

В.М.ПУГАЧЕВ

стихи, рассказы, статьи

Сидней
=1996=

SUMMARY

Vsevolod (Bill) Pugachev was born in Yugoslavia in 1924. His father, Mark Pugachev was professor of Physics at High School. Vsevolod was 4 years old when his father died.

After completing secondary school he studied law at Belgrade University while working part time as a journalist. He arrived in Australia in 1951 with his wife, Tania, and daughter Irene. Vsevolod then began working and studying at the University of N.S.W. and continued to do so until his death in 1982. He did not publish his work as he disliked publicity. However, after his death, and knowing of his exceptional talent for poetry and his intimate knowledge of literature Mrs. N. A. Melnikoff (Editor of the magazine "Australiada" - a Russian chronicle) contacted his widow with a view to publishing a book containing some of his works.

"WITHOUT YOU, RUSSIA"- Poetry, Short Stories, Critical Articles

By Vsevolod Pugachev

Introduced and Edited by NATALY MELNIKOFF

Publisher: the Editors of "AUSTRALIADA"

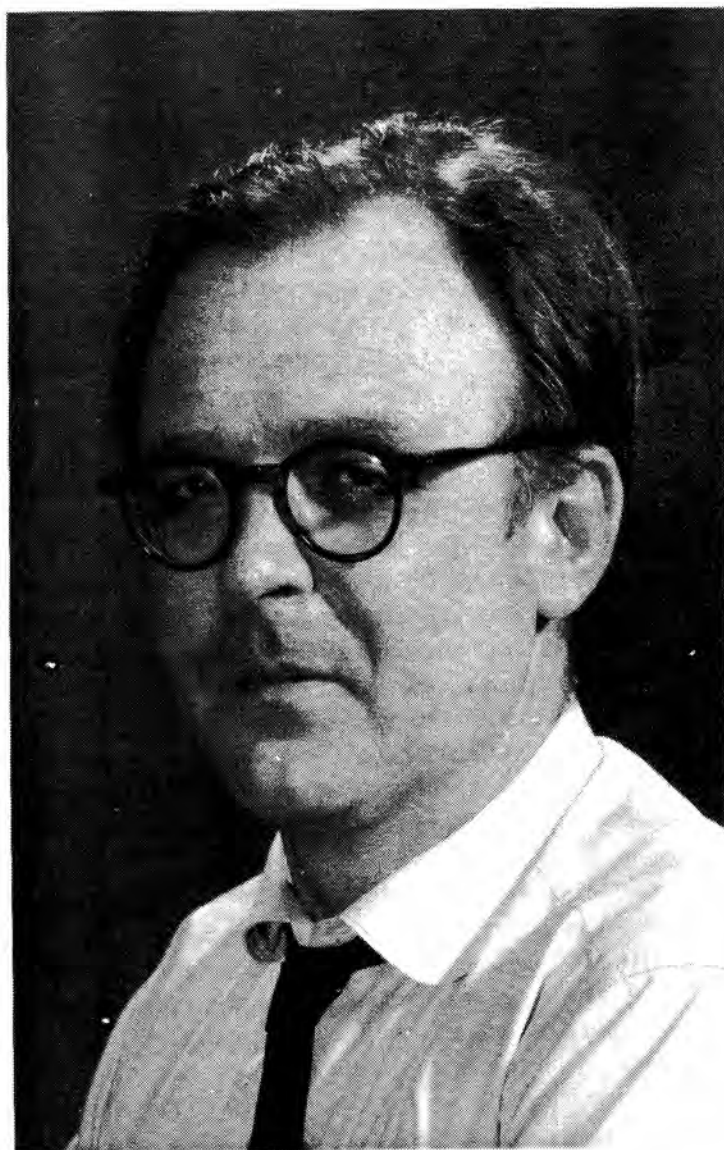
Copyright © 1996 by Nataly Melnikoff

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher.

**National Library of Australia Cataloguing in Publication Data
ISBN 0 646 30863 7**

**Address: AUSTRALIADA - A Russian Chronicle
P.O. Box 196,
Woy Woy, NSW, 2256**

Ph. (02) 9 746 8293, (02) 9 746 9954, (043) 415026

Всеволод Маркович Пугачев

(1924 - 1982)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Преждевременная смерть вырвала из рядов русской эмиграции в Австралии одного из самых талантливых людей - В.М.Пугачева, поэта, писателя, журналиста, литератора и мыслителя.

Родившись в Югославии, став юристом и журналистом, Всеволод Маркович, в связи с изменившейся политикой Тито, вынужден был покинуть Югославию и приехал в Австралию. Здесь он поступил на работу в университет Нового Южного Уэльса демонстратором опытов по физике в лаборатории и одновременно учился на физическом факультете этого университета. Проработав в этой сфере науки многие годы, Всеволод Маркович заслужил любовь и уважение австралийских учёных, сослуживцев и студентов.

Однако главным увлечением всей его жизни была русская культура, и прежде всего - философия, поэзия и публицистика. Его статьи и доклады, к несчастью, не все сохранившиеся, представляют большую ценность для исследователей культурного наследия русского зарубежья. Ещё в 1955 году сотрудник журнала "Русский в Австралии" Н.П.Харьков в рецензии "Сидней. День русской культуры" писал: "Все эти выступления ... программы вечера были ... светлыми точками общего *млечного пути* грандиозного созвездия нашей отечественной культуры, значение которой так проникновенно, так всеохватывающе и с таким уместным пафосом изложил нам в начале вечера молодой и весьма одарённый докладчик В.М.Пугачев. Будет большим упущением, если (этот) доклад..., представляющий исключительный конспект Русской Культуры, не появится в печати, хотя бы в настоящем журнале, для общей пользы русских".

В некрологе, посвящённом В.М.Пугачеву, ("Единение", 28-1-1983) Юрий Константинович Амосов писал: "Был Всеволод Маркович ... незаурядным поэтом, но по скромности своей читал он свои стихи преимущественно друзьям и давно уже перестал участвовать в открытых вечерах. В кабинете его остались сотни и сотни страниц его стихов, но можно думать, что многие из его стихов, написанных на клочках бумаги, безвозвратно пропали. Пять прекрасных стихотворений Всеволода Пугачева были переведены на английский язык большим знатоком литературы проф. Р.Х.Морисоном и включены в сборник стихов русских поэтов в Австралии. И это, пожалуй, единственные из многих очень хороших стихов Всеволода Пугачева, увидевших свет в печатном виде."

Редакция журнала "Австралиада - русская летопись" решила помочь вдове поэта Т. Пугачевой разобраться в этих, действительно, сотнях страниц и листов, на которых записаны стихи В.М.Пугачева, и опубликовать в данное время хотя бы часть его произведений: стихотворения разных лет, несколько лирических и юмористических рассказов и отрывки из его статей. Многие стихи были записаны поэтом в нескольких вариантах, и мы выбирали те, которые показались нам более совершенными. Кое-какие статьи В.М.Пугачева сохранились у И.А.Аполлоновой и Н.А.Мельниковой, и мы надеемся, что другие ещё найдутся у его друзей и в архивах некоторых общественных организаций, потому что творчество Всеволода Пугачева заслуживает дальнейшего изучения и публикации.

РЕДАКЦИЯ "Австралиады"

Биография В.М.Пугачева

Родился Всеволод Маркович Пугачев 15 мая 1924 года в городе Панчево, близ Белграда, в семье профессора физики Марка Даниловича Пугачева, закончившего Университет Св.Владимира в Киеве и ставшего после эвакуации Белой Армии из Крыма преподавателем средних учебных заведений в королевской Югославии. Умер он, когда Воле (как называли Всеволода Марковича друзья и близкие) было всего четыре года. Мать Воли Ольга Ивановна Дода умерла в Белграде во время Второй Мировой войны от разрыва сердца.

Всеволод Маркович был зачислен в Первый Русский кадетский корпус Великого князя Константина Константиновича в Белой Церкви. Однако закончил он среднее образование (последний класс) в Русской гимназии в Белграде, где и познакомился со своей будущей женой Таней Джуркович - дочерью полковника королевской армии Д.Джурковича.

До отъезда из Югославии Всеволод Маркович учился в Белградском университете на юридическом факультете. В 1950 году вместе с женой и дочерью Ириной Всеволод Маркович выехал в Триест. В Сидней Пугачевы прибыли в марте 1951 года, где постепенно устроились и встретились со многими русскими, приехавшими из Югославии и из других стран мира. Воля стал принимать участие в разных русских общественно-культурных мероприятиях. С детства любил играть в шахматы, часто оказывался победителем турниров.

До своей кончины 9 ноября 1982 года он работал в университете Н.Ю.У.

Т.ПУГАЧЕВА

Т А Н Е *

**В этих тёмных глазах столько чистых и ясных сияний,
Столько грации в этом естественном ритме движений,
Что всегда, вспоминая о скромной, застенчивой Тане,
Переносимся в мир неземных, очищающих сердце видений.**

**И весенней порой, может быть, в соловьиные звонкие ночи,
От несбыточных дум и неясной тоски замирая,
Может быть, в этот миг, неизбежно и глухо страдая,
Мы припомним далёкие тёмные очи.**

**И томясь об ушедшем в туманы годов без возврата,
К сокровенным мечтам возвращаясь душою усталой,
Мы поймём, что мы счастье своё потеряли когда-то,
Что война наше счастье в кровавой грозе разметала.**

**И тогда, обжигаясь о горькую память крушений,
Мы припомним, сдержав наболевшие стоны рыданий,
Этот отблеск далёких, чарующе нежных видений,
Нашу сказку о скромной, застенчивой Тане.**

1941 год

** Одно из ранних стихотворений поэта, посвящённое будущей жене - Татьяне Деановне Джуркович.*

Похвальный лист Кадетского корпуса
(1939 год)

Воля Пугачев в 1939 году

УПИСНИЦА

Потпис ученика

Усерод Вугачев

Из зачётной книжки и студенческого
удостоверения (1943 год)

Семья Пугачевых в Австралии (1951 год)

"Быть знаменитым - некрасиво..."

Всеволод Маркович Пугачев не любил выступать... Всеволод Маркович не захотел издать ни одного своего труда, не напечатал ни одной своей книги стихов... Почему? Объяснить это трудно.

Боялся, что его не поймут, не признают? Нет, он не был трусом. Мальчишкой во время Второй Мировой войны он выступил с ружьём в руках против танка и был покалечен на всю жизнь в этой неравной борьбе.

Он всегда отстаивал своё мнение, не подчинялся тому, что "все говорят", "все думают", "все делают". Он восставал против мещанства: писал остроумные сатиры, стремясь не просмеять людей, а показать им самих себя в забавном свете.

Бывало, просидев всю ночь над стихами или засидевшись с друзьями, беседуя и споря об искусстве, он утром впопыхах мог натянуть два разных носка или надеть две разных туфли и так отправиться на работу. Обнаружив неполадки в своём костюме, он не стеснялся, не прятался - не до этого было! Его всегда кто-то ждал, искал, просил о чем-то. То какие-то журналисты записывали что-то с его слов о русской музыке, то художники или писатели приглашали его в свои клубы, то австралийские студенты просили объяснить трудную задачку и постоянно обращались за советами, даже в делах, не имеющих отношения к физике. Студенты русского языка в университете Н.Ю.У. просто боготворили его и всегда поражались, почему не он преподаёт им литературу на Кафедре русского языка. А в его комнате - преддверии к физической лаборатории - в обеденный перерыв и вечером собирались участники шахматных турниров. И, конечно, никому из этих интеллектуалов и в голову не пришло бы обратить внимание на форму башмаков или цвет носков Всеволода Марковича, а вот его огромные голубые глаза, по-детски добрые и по-взрослому сочувствующие, запомнились его ученикам на всю жизнь.

Тишину шахматных игр, а иногда и сосредоточенность лекций часто нарушал белый боксер - собака профессора и главы Кафедры физики, живущего при университете. Глава Кафедры изучал русский язык и, благодаря блестящим переводам Всеволода Марковича, печатал свои статьи в Академии наук СССР. Ну, а белый боксер ещё больше отличился: он выступил на сцене вместе со студентами русского языка в пьесе "Дама сдавала багаж".

Однажды во время летнего семинара в Сиднейском университете Всеволод Маркович должен был прочитать лекцию о русских писателях. Чужой университет, незнакомые студенты и слушатели. Сначала, со свойственными юности пересмешками, плохо восприняли его славянский акцент, стали шептаться. Он и здесь не растерялся. "Не вы мне нужны, а я - вам! Так слушайте!" - вдруг проревел он и стал затем спокойно излагать свои мысли. Мало сказать, что аудитория притихла и в конце лекции его забросали вопросами. Некоторые из присутствующих вскоре стали его учениками и почитателями.

Двери и окна его большой комнаты-библиотеки, которая до сих пор сохраняется Татьяной Пугачевой в неприкосновенном виде, всегда (день и ночь) были открыты для всех. Вечерний свет здесь, как маяк, притягивал сюда людей самых разных национальностей. Бывало, останавливалась машина, и какой-нибудь приятель, чтобы не беспокоить семью шумом, повисал на подоконнике Всеволода Марковича, обсуждая с ним какую-нибудь срочную проблему. И абсолютно со всеми Всеволод Пугачев щедро делился своими обширными и глубокими знаниями.

С коллегами-поэтами он поддерживал хорошие отношения. Ближе всех ему по духу была Клавдия Пестрово, с которой он вёл постоянную переписку. В одном из писем К.Пестрово есть такие строчки: "Я восхищена стихотворением *Смолкает птичье пенье*. И считаю, что Вы - гораздо лучший поэт, нежели я". В другом письме поэтесса восклицает: "Жду не дождусь, когда выйдет книга Ваших стихов, и тогда все узнают, какой Вы замечательный поэт!"

С молодыми поэтами и журналистами Всеволод Маркович был приветлив, но строг. Критиковал "научно", доказывая несостоятельность стилия или незнание теории стихосложения. Он всегда показывал свой метод работы над рецензией или над стихотворением, всегда создавал пример того, как надо было бы то или иное написать. Но самое главное - он терпеливо, простыми словами, переводя латинские и другие цитаты на русский язык, объяснял своё мировоззрение, свою веру в Вечную Россию, своё преклонение перед Русской Женщиной, свою философию жизни и творчества.

Он не выносил самоуверенность и самовосхваление не только у поэтов и журналистов, но и у общественных деятелей, с огорчением говорил о ком-нибудь: "Ну, вот: я, меня, мной, обо мне, без меня бы не было..." И к такому человеку терял всякий интерес.

Поэтическим кредо Всеволода Пугачева стало стихотворение Пастернака:

*Быть знаменитым - некрасиво.
Не это поднимает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.
Цель творчества - самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.
Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Приалечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.
И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчёркивая на полях.
И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.
Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь,
Но поражение от победы
Ты сам не должен отличать.
И должен ни единой долькой
Не отступить от лица,
Но быть живым, живым и только,
Живым и только до конца.*

Всеволод Пугачев не хотел ни шумихи, ни успеха, не хотел быть знаменитым. Целью его жизни и творчества именно и была самоотдача. Пройти по его живому следу - трудно, повторить его путь за пядью пядь нам не дано. Можно об этом только мечтать!

НАТАЛЬЯ МЕЛЬНИКОВА

Много слов о России сказано,
Но не нам их дано сказать.
Нам дорога в Россию заказана
И России нам не видать.

Не поможешь тут разговорами,
Бесполезен задор и борьба:
Умирать под чужими заборами
Уготовила нам судьба.

Всюду лишние, всеми обойдены,
Коротая жизнь-бытьё,
Как-нибудь обойдёмся без родины,
Как-нибудь проживём без неё.

Только душит тоска безысходная
Эти горькие речи мои -
То крылатая, то подколотная,
Но безмерная ярость любви!

- - -

*...и в прекрасных золотанных крыльях
(как ты ими не шевелишь)
только гордость одна осталась...
Далеко ли на ней улетишь?*

Булат Окуджава

Безотчётная грусть. От неё никуда не уйти.
Краткосрочные годы уже неизбывное гложет,
И змей подколотной на этом клубится пути
То, чему уж никто никогда и ничем не поможет.

Но в бессонные ночи, как стон напряжённой струны,
Исступлённая грёза казнённые души морочит,
Что ещё, мол, вернутся блаженные вешние сны
И желанные встречи, и чьи-то лазурные очи.

Леденеющим сердцем уцербным надеждам не верь.
Изувеченных душ никакая мечта не излечит.
Кроме новых разлук, кроме новых ненужных потерь,
Ничего не несут, и ненужные новые встречи.

Мы отброшены роком до самого края земли.
Нам вовеки не взмыть лебединой ликующей стаей.
Что же белые крылья, что виснут в крови и в пыли,
Мы с бессильным усилием в беззвёздные выси вздымаем?

Безымянная гибель безбурно парит впереди,
А вокруг нас чужие, враждебно беззвучные дали...
Только русская песня, как птица, трепещет в груди -
Та свободная песня бескрайней и вещей печали.

Пусть же грусть без конца непреклонные гложет сердца,
Пусть уже неизбежное жизнь безмятежную гложет,
Мы дотерпим сполна, мы снесём на себе до конца
То, чему уж никто никогда и ничем не поможет.

- - -

Бездомность, утраты, заботы...
 Но только начнём засыпать,
 Нам снятся зеркальные воды,
 Озёрная синяя гладь.

Так связан отверженных жребий
 С несбыточной прелестью снов...
 Нам снится на солнечном небе
 Жемчужная прядь облаков.

Безжизненны страны чужие
 В дремотных восторгах души...
 Нам снятся цветы голубые
 По золоту спящей ржи.

И миг пробужденья несносен
 В припадке бездомной тоски...
 Нам снилось над кронами сосен
 Закатное солнце тайги.

Жить надо бездумней и проще,
 Да как это сделать - вопрос?!
 Нам снились певучие рощи,
 Как девушки, стройных берёз.

Бессмысленно сны ненавидеть...
 И хочется, хочется мне
 Впервые всё это увидеть,
 Увидеть - уже не во сне!

Моих безумств, моих противоречий
 Не осуди на дальнем берегу...
 Я только жду обетованной встречи,
 Да вот никак дожждаться не могу.

Не потому ль и молодость калеча,
 Вздымаясь в небо, обрываясь в грязь,
 Я шёл к Тебе, всему противореча,
 Но за Тебя тревожась и молясь.

В нелепый бред кликуши и невежды
 Ты, ясная, поверить не спеши:
 Ещё не все растоптаны надежды
 На выпасах обугленной души.

Недолго ждать...Заслуженной наградой
 Я обрету свободу и покой
 За нищенской кладбищенской оградой
 Под пыльную могильную плитой.

А для суда моих противоречий,
 Моих безумств на этом берегу
 Я буду ждать обетованной встречи,
 Которой здесь дожждаться не могу.

Этих лет не позабыть вовеки...
 В чём же грех и по вине какой
 Мы с тобой - бездомные калеки,
 В тридцать лет с седою головой?

Наш ли грех, что с беженского детства,
 Ощупью, чуть начиная жить,
 Мы рванулись горькое наследство
 Жертвенным порывом искупить?

А потом мы юность потеряли...
 Наш ли грех, что, падая в борьбе,
 Мы росли в гестаповском подвале,
 Зрели по застенкам МГБ?

Наш ли грех, что, становясь умнее,
 Скрыли мы сожжённые мечты
 (Мудрые евангельские змеи!)
 Ликом голубиной простоты?

Места нет стыду на нашей тризне...
 Родине, в застенках и в бою,
 Отдали мы лучшее из жизни -
 Молодость распятую свою.

Отдайся крову этой ночи,
Печаль ночную затаи:
Пусть дождь полночный щедро мочит
Седые волосы твои.

Спокойно вспомни всё, что было:
Года и дни, добро и зло,
И счастье - то, что изменило,
И горе - то, что не сломило,
И что прошло, прошло, прошло...
Чужим богам и ложным требам
Не уступив своей души,
Броди всю ночь под тёплым небом
Сиднейской сумрачной тиши.

Мыслей напряжённые круженья,
Сердце обжигающая грусть.
Вот они - её стихотворенья,
Впитанные мною наизусть.

И любовь... скудеющей кровью
Так любить до гробовой доски,
Вопреки змеиному злословью,
Гибели и смерти вопреки.

И Россия... В омуты бессилья
Правда, обречённая процветать
В белые распахнутые крылья,
В вешнюю ликующую весть.

И опять бездонные сомненья,
И опять мучительная грусть...
Вот они - её стихотворенья,
Впитанные мною наизусть.

Канут все прозренья и пророчества
В эти австралийские пески...
И свой крест сплошного одиночества
Донесёшь до гробовой доски.
Но и там, под насыпью песчаной,
Вечности вполне принадлежа,
Родиной - землёй обетованной -
Будет бредить мёртвая душа.

Милый мой, ты у меня в груди...

С.Есенин

Не жалел, не звал, не плакал...
И, прощаясь на веки веков,
Только каплями крови закапал
Безнадёжность последних стихов.

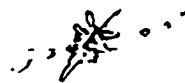
Не в черёмухи пенном пожаре
И не в зорь золотую кайму -
Задохнулся в кромешном угаре,
Погрузился в могильную тьму.

И пришла к хулигану, к бродяге
В непрозревшие вежды смерть,
Не пришлось только в русской рубахе
Под иконами умереть.

Что ж, - ушибся, разбился о камень,
Да смертельный ушиб - не в счёт;
Слышишь - мёртвыми шепчет губами:
"Это к завтраму всё заживёт."

Заживёт ли?

Молчи. Не спросим.
Всё равно не поймём ничего:
Ведь с собой мы повсюду носим
Неотпетую душу его.

*Лёгкой жизни ты просил у Бога...
Лёгкой смерти надо попросить.*

Фёдор Сологуб

Я лёгкой жизни не знаю,
Не знал и не буду знать.
Я медленно умираю
И мне легко умирать.

И всё беспечальней и тише
Мои предсмертные дни.
Какое мне дело до мышшей
Возни, беготни, толкотни?!

И сколько кто заработал,
И кто откусил от куска?..
Иные мои заботы,
Иная моя тоска.

Не имут мёртвые срама...
И даже в смерти своей
Беззлобно, беспечно, упрямо
Смотрю на злорадных людей.

Вольно ж им увечья и раны
Мои без конца бередить.
Моей загробной осанны
Их гоготу не заглушить.

Так вот оно - смерти жало!
Со мною России лик...
О ней без упрёков и жалоб,
Коснея, лепечет язык.

Так встань же над этим изгнанием,
Над страшной бездомной тоской,
Россия в пасхальном сиянии,
Россия с бессмертной судьбой.

Как гуслей Бояновых струны
Вдали звенят голоса:
Россия, бессмертной и юной,
Мне в мёртвые смотрит глаза

Моим ровесникам

1

Не брови.., - крылья косые,
А в детских зрачках - тревога.
Мальчишки не знают России,
Но верят в неё, как в Бога.
 В трущобах балканской столицы,
 В бреду неотвязной грёзы,
 Над ними, как хищные птицы,
 Проклятые реют вопросы.

Всему и везде чужие,
Чужие всему на свете,
Мальчишки рвутся к России,
Скитаясь по всей планете.
 И днём, и в бездомные ночи
 Мечтой предназначенной встречи
 Горели бессонные очи,
 Кипели полночные речи.

Но в смрадных застенках Гестапо,
С молитвами их немыми,
Предсмертная гордость Остапа
На плахе вздымается с ними...
 А где-то шуршат страницы,
 Дымят до утра папиросы...
 И реют, как хищные птицы,
 Проклятые реют вопросы.

2

Юлии Друниной и Веронике Тушиновой

На дымном сиднейском небе
Клубится осколок луны...
Со мною, где бы я ни был,
Мои неотвязные сны.
 Мне снится: мы снова вместе,
 И снова попали впросак...
 Несёт нас в N-ском предместье
 Неистовый ветер атак.

Грохочет насадно и гулко
В бетонной норе пулемёт,
К булыжнику переулка
Прижался растерянно взвод.
 Ручной гранаты бутылка
 Зажата в твоей руке,
 Трепещет синяя жилка
 На детском твоём виске.

Ты шепчешь сухими губами:
"От смерти своей не уйдёшь!"
И вдруг, покачнувшись, как знамя,
Ты первой в атаку встаёшь.

И словно по данному знаку,
Орлиным броском вперёд,
Рванётся с тобой в атаку
С земли оторвавшийся взвод...
На дымном сиднейском небе,
Как череп, осколок луны.
Ты спишь, замурована в склепе
Героев великой войны.
 И всё ж ты со мною вместе...
 Ведь в мире, где жить нестерпёж,
 Ты рядом, как в N-ском предместье,
 Повсюду со мною идёшь.

3

Помню, помню дороги снежные
До засыпанной снегом скамьи,
И стыдливые, и поспешные
Объяснения в первой любви.
 В лунном свете кружила метелица,
 Заметала наши следы.
 А казалось: за нами стелется
 Кисея подвенечной фаты.
И звенела мелодия снежная
Величальною песней пурги
И, невеста моя невестная,
Ты коснулась моей руки.
 Но какая-то грусть несказанная
 Исходила от ласки твоей.
 Навсегда ты осталась желанною
 Белоснежною сказкой моей.
Отзвенели нам эти мгновенья
И навеки отпрянули прочь...
Ты ушла серебристым виденьем
В непроглядную зимнюю ночь.
 Наши грёзы, мечты и желанья
 Замела, застудила пурга,
 И не тронет уж детским касанием
 Мою руку твоя рука.
Жизнь бесцельная, серая тянется,
Бьёт наотмашь житьём-бытьём,
Только память, нет-нет, и оглянется
К пережитому нами вдвоём.
 Вот и помню дороги снежные,
 Лунный свет до знакомой скамьи,
 И стыдливые, и поспешные
 Объяснения в первой любви.

С полночи за дымными горами
 Полыхали дальние зарницы;
 Грозными кричали голосами
 Вещие, встревоженные птицы;
 Вихри бились по теснинам чёрным,
 Колыхались каменные кручи,
 И клубились по ущельям горным
 Грозовые, гробовые тучи;
 И дрожа, зловеще и свирепо,
 В содроганьях этой страшной ночи,
 Сербия в трепещущее небо
 Огненные устремила очи.

5

В забвенье оборвалась бессоница,
 И привиделся странный сон:
 Чёрной лавой несётся конница
 На потрёпанный твой батальон.
 Плещут ветром полотнища алые,
 Ближе, ближе сверкают клинки.
 У бойцов твоих лица усталые
 И совсем пустые зрачки.
 Им ли, лучшею долей обойденным,
 Перед смертью в прятки играть?..
 Только рвались биться за родину,
 А пришлось - ни за что умирать...
 До утра вот сижу - бессоница...
 И не сон, а память уже
 Бронированной ходит конницей
 По смятенной моей душе.

6

*Что говорить - есть виды веселей,
 Но ничего роднее нет на свете...*
 Юлия Друнина

Там ветер влажным холодом дохнул
 И жёлтый лист понёс по косогорам,
 Там окуни спускаются ко дну,
 И хрупким льдом подёрнулись озёра.

Прозрачней стали сонные ручьи,
 Печалней шелест высохшей осоки,
 И колкий иней лёг на колеи
 Разъезженной просёлочной дороги.

И хриплых псов срывающийся лай
 В пустынных даях жалобней дробится,
 А в сером небе журавлиных стай
 С курлыканьем несутся вереницы...

Так с детства сны заворожила мать,
 Что вот засну, и снятся мне без спроса
 То озера темнеющая гладь,
 То в серебре заснувшая берёза,

А то во сне, совсем не веря сну,
 Я вижу в поредевшей чаще бора,
 Как окуни уходят в глубину,
 Как первым льдом блестят вдали озёра.

*Нет, это горят не хаты:
 То юность моя в огне.*

Юлия Друнина

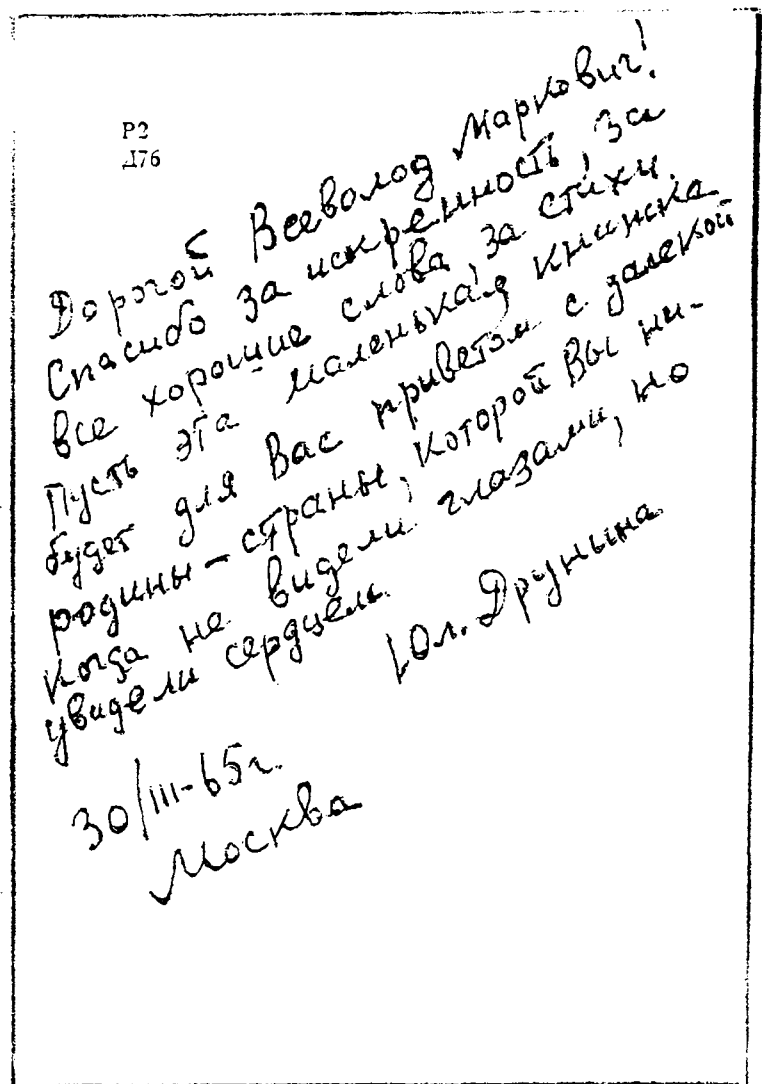
Засну, и опять к моему изголовью
 Сгибаются сонные савские ивы,
 И снова шумят шумадийские нивы,
 Покрытые пеплом, залитые кровью.
 И снова по диким динарским ущельям
 С неистовым ветром Панонской равнины
 Рождённые бурей встают исполины
 В бессмертных атаках, в свирепых весельях.
 И снова над крышами пыльной паланки,
 Как крылья победы, вздымаются флаги,
 И смрадным огнём в опалённом овраге,
 Дымясь, догорают немецкие танки.
 И снова на праздничном Косовом поле
 Цветут голубые и алые лалы,
 И орлово коло ведут запевалы
 С орлиною песней о солнечной доле.
 Засну, и опять к моему изголовью
 Бессонная память сиделкой садится,
 И снова, и снова мне родина снится,
 Политая густо славянской кровью.

От редакции:

С молодыми русскими врачами-поэтессами Ю. Друниной и В. Тушновой Всеволод Маркович, вероятно, познакомился в конце II Мировой войны.

Вероника Тушнова преждевременно погибла, а с Юлией Друниной, ставшей известной московской поэтессой и сотрудницей "Литературной газеты", он поддерживал переписку. В 1964 г. вышел сборник стихотворений Ю. Друниной "Ты - рядом", и вскоре В.М. получил её сборник с надписью (этот текст помещён справа).

Примечание от редакции:

В 1971 году известный австралийский поэт Р.Х. Моррисон, автор многих книг и поэтических антологий (включая переводы итальянских, украинских и русских поэтов), подготовил к изданию книгу "Русские поэты Австралии". Прочитав более четырёхсот стихотворений, он выбрал для перевода и включения в свою антологию 38 стихотворений 14 авторов. Стихотворения В.М. Пугачева он считал одними из лучших и выбрал пять из них, именно ими "открыв" свою антологию. На следующих страницах мы помещаем эти пять стихотворений В.М. Пугачева вместе с переводами их на английский язык.

В архивах мы нашли, к сожалению, неполную копию письма (от 2 марта 1975 года), которое было написано В.М. Пугачевым поэту Моррисону. Приводим этот текст ниже.

"Дорогой Роберт Вильямович!

Спасибо за память и за повод лишний раз выразить Вам своё восхищение Вашими переводами стихотворения "Сон" Лермонтова и "Буря на небе вечернем", "Ивы и берёзы", "На стоге сена ночью южной" Фета. Каждая строфа этих Ваших стихотворных переводов есть высокий образец для подражания. В каждой строфе тут чувствуется вдумчивый, выскательный и тонкий художник с чутким пониманием нюансов того немного весёлого и немного печального настроения, которое так присуще стихам и Лермонтова, и Фета...

Я, конечно, не лингвист и не учёный филолог. Но я знаком с переводами русской поэзии, скажем, Р.М. Хьюитта, В. де Соло Пинто, С.М. Баура, М. Баринга. Знаком с переводами в их антологиях стихов Лермонтова и Фета. И я должен сказать, что мне больше всего нравятся Ваши переводы. Почему? Во-первых, потому что в Ваших переводах всюду сохраняется очарование русской поэзии. Во-вторых, потому что все Ваши переводы воспроизводят не только содержание русских стихов, но и их форму, их ритмику..."

*В бледном тропическом небе южные блекнут созвездья;
Скоро и в сонном порту меркнуть начнут маяки.
Новое утро встречаем в старом сиднейском предместье
Прежним угарным похмельем скифской бессонной тоски.*

*Утро ли нас утешит, утро ли нас успокоит,
Нас, за полночные дремы вечность готовых отдать?
Может быть, лучше не надо, может быть, лучше не стоит
В это блаженное утро хмурые сны вспоминать?*

*Сны - это наше проклятье, сны - это наше возмездье,
Веющий, торжественный трепет нашей бездомной души...
В их обетованных безднах брезжат иные созвездья,
И над путём в неизбежность гордость, как коршун, кружит.*

Trembling and pale are the skies where south's constellations
are fading;
Soon in the harbour that sleeps beacons will start to grow dim.
New day we meet as it's breaking, Sydney's old suburb
pervading,
We with our hangover headache's homeless nostalgia a-swim.

Comfort, appeasement — of ours is morning the soothing begetter,
When we are ready to drowse, eternity leaving behind?
Better than this do we need? Perhaps we deserve nothing better,
On this beatified morning gloomy dreams calling to mind.

These dreams are our retribution, these dreams are our imprecations,
These the prophetic, triumphal trembling our homeless soul
feels . . .
Dawn in their promised abysses shows us not these constellations
And, above chasms suspended, endless dark memory wheels.

*Витийствуй, кликушествой вволю,
Стихами навзрыд голоси,
Но эту проклятую долю
Как милость Господню неси.
 Больным и бездомным бродягой
 Скитаясь в далёком краю,
 Всмотрись же с предсмертной отвагой
 В сожжённую душу свою.
И выжги на сердце распятом
Один непреклонный обет:
Взыскующим Горняго града
Нигде оправдания нет.
 Пусть носят тебя непогоды...
 Ведь в них, обреченно кружа,
 Почти безусловной свободы
 Залог обретает душа.
Ведь дерзким и вольным избраньем
Судьбы роковых непогод
Горчайшую участь изгнанья
Душа, как награду, несёт.*

Blaspheme, cry insanely, at pleasure,
Give sobbed verses voice in loud chants;
Accursed is your lot, but this measure,
Bear this like the grace that God grants.

A drifter in some far land faring,
Without home, without kith or kin,
Examine with unbiased daring
The burnt soul you carry within.

Brand your crucified heart; without pity
The single stern law it shall know:
Who seeks for the heavenly city
To him no acquittal shall go.

Be tossed in the storm's agitation . . .
There freedom resides almost whole,
Kept spinning by predestination,
Its pledge being found by the soul.

With proud and unfettered election
Of fate's inescapable woes,
The bitterest doom of rejection
The soul as its recompense knows.

*В преображеньи нет уничтоженья.
Нетленному и в тленьи не истлеть...
Ведь тщимся ж мы игрой воображенья
В самих себе себя преодолеть.*

*И, может быть, когда мою тетрадь
В недоуменьи развернёте где-то,
"Мирам иным" я буду предстоять,
Отверженный, безвестный, невоспетый.*

*Но сплывший за гранью роковой,
Добыча неизбежности и тленья,
Я перед вами встану, как живой,
В неумирающей игре воображенья.*

*И, может быть, со мной наедине,
В душе смеясь над этими стихами,
Вы вдруг в могилу улыбнётесь мне
Задумчивыми, грустными глазами.*

*И через смерть, забвение и тьму,
Пусть беспощадным и пристрастным словом,
Вы к сердцу прикоснётесь моему,
Истлевшему под гробовым покровом.*

*Как ни крутите,- нет уничтоженья.
Нетленному и в тленьи не истлеть,
И нам дано игрой воображенья
Самых себя в себе преодолеть.*

Transfiguration's not annihilation.
Decayless man decays not in decay,
And we endeavour in imagination
A game of self surmounting self to play.

Perhaps you'll take my note-book in your hand
And, reading in it pensively, behold me
When I before another world shall stand
While bonds of an untimely grave enfold me.

But having gone past where fate's bounds begin —
Corruption's prey, prize of predestination —
Lifelike I shall arise before you in
The deathless game of the imagination.

And in the ringing stillness, line by line,
Over these verses you may chance to ponder,
And with a sudden smile your eyes may shine
Into the grave where I am buried yonder.

With wonder-working, singing word, anew,
Through darkness and oblivion and dying,
Beneath the cover of the grave may you
Thus gently touch the heart that there is lying.

Transfiguration's not annihilation.
Decayless man decays not in decay,
And we are given this imagination
The game of self surmounting self to play.

*Где-то там, где майскими ночами
Звёздная колдует синева,
Сказаны и выслушены нами
Звонкие, заветные слова.*

*Этих слов по боевым траншеям
Юность не боялась говорить...
А вот мы как будто и не смеем
Даже их сегодня повторить.*

*Легче темя расколоть о камень,
Чем опять тревожить без конца
Этими задорными словами
Эти присмиревшие сердца.*

*Разве там, у дымного вокзала,
В гуле затихающих боёв
Лебединым стоном отзвучала
Вечная солдатская любовь?*

*Ведь о ней по липовым аллеям
Юность не устанет говорить...
Неужели мы и не сумеем
Этих слов друг другу повторить?!*

Somewhere there where May nights are enchanted
By the spell that fills the starry blue,
Sonorous and sacred words are granted —
Sacred words we hear and listen to.

These are words that in the front-line trenches
On the fearless lips of youth were meet . . .
Words, it seems, none of us ever ventures
Even to each other to repeat.

It would be a lighter occupation
On a stone to split one's skull apart,
Than again with these words' provocation
Endlessly to trouble our tamed heart.

But, though, when the battles' drone's abated,
At the smoky railway station, see,
With unyielding oath they've designated
All those tacit words' sincerity.

Them, on avenues where lindens flower,
Tireless youth will never cease to say.
Is it possible that we lack power
Even to repeat those words today?

Г О Г О Л Ъ

*Всё горит, не меркнет до рассвета
Тусклый, догорающий ночник.
Смотрит со старинного портрета
Чудными глазами ростовщик.*

*Колдуны, утопленницы, виш
На заклятой мечутся черте...
Страшное видение России
Вещей, обескрыленной мечте.*

*Но среди их хрюканья и храпа
Сердце изнывает неспроста
Гордостью предсмертною Остапа
И тоской распятого Христа.*

*Так всю ночь, до самого рассвета
Мечется, тоскуя и дрожа,
Горького российского поэта
Смехом уязвлённая душа.*

*А в окно торжественного Рима
Звёздная струится тишина,
И Россия зримо и незримо
Всё стоит у этого окна.*

Gogol

Burning till the sun first shows its rays,
Steadily the night-light glows and dies.
From the antique painted portrait gaze
Wondrously the money-lender's eyes.

Sorcerers and demons, maidens drowned
Jostle, round the magic circle ringed:
Russia in a dreadful vision found,
In a dream prophetic and de-winged.

But their grunting and their snoring hide
What a heart which pines there yet can see:
Facing his last moment, Ostap's pride,
Christ in triumph at Gethsemane.

Thus all night until the break of day
Tremblingly a tortured spirit soars;
Russia's grieving poet kneels to pray
And his soul, bestirred by God, outpours.

But the starlit glory that Rome knows
Still and solemn through the window glides.
Russia that shows not and that yet shows
By this window steadily abides.

Поэма о любви

ОН

В облаках луна качается,
поучая свысока:
жизнь одна, и та кончается,
не валяй же дурака!

Вступление

Читать не стоит всё подряд:
Здесь тьма противоречий.
Увы, они, как говорят,
В природе человеческой...
Я не писал. Душа сама
Все эти песни пела,
Но есть и в них игра ума
И даже голос тела.
И я прошу иметь в виду,
Что не всегда они в ладу.

Предисловие

Листки... Эскизы - не полотна...
Ну, что ж, беда невелика:
Ведь мимолётна и строка,
Как всё на свете мимолётно.
Всему, всему отмерен срок,
Отмерен срок самой Вселенной.
И не ищите между строк
Тот самый трепет вдохновенный.

Лилит

Что преданье говорит?
- Прежде Евы была Лилит.
Прежде Евы Лилит была,
Та, что яблока не рвала.
Не женой была, не женой,
Стороной прошла, стороной...
Не из глины, не из ребра -
Из рассветного серебра.
Улыбнулась из тростника
И пропала на все века.

Улетающие журавли
Прокурлыкали над рекой.
Электричка прошла вдали
И опять на земле покой.
На рыбалке один сажу,
Сквозь огонь в темноту гляжу.
Кто там плачет в костре ночном,
Косы рыжие разметав?

Кто грустит в тростнике речном,
Шелестит в осенних кустах?
Кто из облака смотрит вниз,
Затмевая красой луну?
Кто из омута смотрит ввысь
И заманивает в глубину?
Никого там, по правде, нет -
Только тени и лунный свет.

Не женой была, не женой,
Стороной прошла, стороной...
Никогда не придёт Лилит,
А забыть себя не велит.

Первый запев

У памяти моей - твоё лицо,
Твои слова, и смех твой, и молчанье.
Над сонным миром чёрными ночами
Спешит она ко мне твоим гонцом.
Как тишина пустынная чиста!
Какой покой в безлюдье непочатом!
И туз бубновый Южного Креста
К спине небес навеки припечатан.
У памяти моей - твои слова.
Я слышу их. Какая это нежность...
Что б ни пришло - бывшее будет
прежним.
И прочь лети забвения сова,
В слепой полёт крыла свои влача...
У памяти моей - твоя печаль...

— — —
Всё так: кручина без причины,
Неумолкающая грусть.
Не ты причина той кручины,
Ты - только повод. Ну и пусть.
Ты - не причина: нет причины.
Ты - повод. Может быть, предлог.
Но без тебя, без той кручины
Я, видно, больше жить не мог...

Второй запев

Я не писал стихов так много лет,-
И позабыл совсем, что я - поэт...
Да стоит ли об этом вспоминать?
Благословлять и снова проклинать?

— — —
Не кляни ни людей, ни Бога.
О счастье земном не жалеяй.
Каждый вечер тайно и строго
О себе молись и о ней.
 Всё отнимет жизнь и погубит,
 Но любви не сможет отнять.
 Так умершего сына любит
 Больше живого мать.

Пройдут за годами годы,
Неслышны, подобны сну.
Ты встретишь её у входа,
Ты помнишь её одну.

Пробуждение

Проснулся. В предутренней дымке
Чернел эвкалипт за окном,
И пели певцы-невидимки
Все - разное, все - об одном...
Давно я той песни не слышал!
Забыл её. Видно, проспал.
Проснулся. Проснулся и вышел,
И в дымке звенящей пропал.
Пропал, как и не жил на свете!
Мой адрес пускай узнают
У тех, кто встаёт на рассвете
И слышит, как птицы поют.

Краткое содержание

Шёл - и встретил женщину.
Вот и всё событие.
Подумаешь, событие!
А не смог забыть её.
Не могу забыть её,
А она - забыла.
Вот и всё событие.
Вот и всё, что было...

— — —
На плечах телеграфных столбов
Провода, прогибаясь, лежат.
Говоришь ты: стихи про любовь
Были в моде полвека назад.
Мы идём, о стихах говоря.
Дождик сеет. Конец сентября.
А над нами несут провода:
"Бесконечно. Одну. Навсегда."
И ответ замирает вверху:
"Жду. Тоскую. Забыть не могу..."

— — —
За сосны солнце опускается,
Чуть золотится сквозь кусты,
Лучами тонких трав касается,
Прощаясь издали, как ты.
Оно идёт, не остановится,
Всё ближе шепот темноты.
Минута - и оно становится
Воспоминанием, как ты.

— — —
Что же ты, дружок, вздыхаешь,
Что ты куришь по три пачки?
Ты ведь ясно понимаешь:
Это - дама без собачки.
Да, тебе, увы, понятно:
Не о том она хлопочет
И собачку, вероятно,
Завести и не захочет.
Словом, ты уже отчасти
Разобрался в милой даме:
Просыпаешься от счастья
И несёшься за цветами...

Средисловие

Цифр и схем торжество -
Жизнь смутна и превратна...
Никогда... никого...
Не зовите обратно.
Обратимость - враньё,
Суть движенья злорадна,
Ни его, ни её
Не отдаст вам обратно.
Вечный счёт: кто - кого!
Боль - нечётна, некратна,
Ни её, ни его
Не отпустит обратно.
Время рвётся, слепя,-
Битва, подвиг твой ратный...
Ни других, ни себя
Не зовите обратно.

Горизонт

А, может быть, она со мной
Туда пойти отважится,
Где небо сходится с землёй,
Как это людям кажется?
Ведь я её ещё не звал -
Боялся, что откажется,
Не верил. Слишком твёрдо знал,
Что это только кажется.

— — —
Словно червь моё сердце точит,
И никто, увы, не поможет.
Тот, кто хочет помочь,- не может.
Тот, кто может,- не хочет, не хочет.

— — —
С этим надо примириться:
Ей чуть-чуть, пожалуй, лестно,
И потом, как говорится,
Ей со мною интересно.
Было всё, и всё известно,
Всё уже немного пресно.
И поэты были тоже,
Чуть получше, но похоже...
Но хотя ей всё известно,
Еве атомной эпохи,
Видно, всё же интересно
Слушать не слова, а вздохи...

Песенка про веточку

Ничего особенного
Мне не говорила,
Молча ветку сорвала,
Молча подарила...
Маленькая веточка -
Не поставишь в вазу,
Вы бы эту веточку
Выбросили сразу.
Мне же не расстаться с ней,
С веточкой зелёной;
Я её - в стаканчик,
Я её - в гранёный...
 Веточка, веточка,
 Зелёные почки!
 Может быть, поправишься,
 Выгонишь листочки?
Стоит моя веточка,
Да не расцветает...
Я уж и не зная,
Чего ей не хватает:
Я её выхаживаю,
Я её балую,
Я за ней ухаживаю
Напропалую!
 Веточка, веточка,
 Зелёные почки,
 Может, приживёшься,
 Пустишь корешочки?..

Диагноз

Состояние - очень тревожное.
Мало шансов на выздоровление,
Потому что помочь,
К сожалению,
Может только одно:
Невозможное.
Положение - крайне сложное:
Срочно требуется... невозможное!
Ведь когда оно станет возможным,
Несомненно, окажется ложным...

— — —
Какие дни, какие дни!
Как праздник, каждый день!
Семнадцать градусов в тени, -
А кто вас гонит в тень?!
Не надо слёз, не надо драм,
Взгляни, какие дни!
Как говорил старик Хайям:
"Блаженствуй и цени!"

— — —
Цветы! Я не знаю вашей фамилии!
Скажите мне, кто вы?
Глицинии? Лилии?
А, впрочем, всё это неважно, цветы, -
Я сегодня со всеми цветами на "ты"!

— — —
Воскресли меня,
Не спросили:
"Хочешь ты, чтоб тебя воскресили?"
Что ж, понятно:
Когда воскрешают,
Поневоле сами решают...
Но хотя бы себя спросила:
"Для чего я его воскресила?"

— — —
Я тебя ни к чему не ревную,
Ни к грядущему, ни к прошедшему,
Ибо каждый любит иную -
Так вот кажется мне, сумасшедшему.
Так мерещится мне, сумасшедшему,
Сумасшедшее счастье нашедшему...
Ты её ведь не знаешь сама, -
Ту, что сводит меня с ума.

Вода

Ах, вода, ты вода,
Ты вода солёная!
Отчего ты, вода,
Не всегда
Зелёная?
Отчего иногда
Ты такая синяя?
То черна ты, вода,
То белее инея?
- Что ж, была
Я бела,
Видно, от волнения...
Я и синей была, -
Дело настроения...
Я от гнева - черна,
От тоски - зелёная,
А от слёз
Я, вода, -
Навсегда
Солёная...

Треугольник

С тех пор, как мне открылась эта тайна,
Я поселился в очень странном мире,
Где всё необходимое - случайно,
И дважды два не может быть четыре.
Здесь весит только то, что невесомо,
И постоянно лишь непостоянство,
У времени здесь явно не все дома,
И, видимо, сошло с ума пространство:
Ведь близко только то, что так далёко,
А близкое - увы! - недостижимо.
Всё, что снаружи, - скрыла подоплёка,
И всё, что входит внутрь, проходит мимо...
Ни мерам веры нет, ни точным числам,
Всё перепутано - тела и души;
Здесь даже автор "Треугольной груши" -
Нормальный человек со здравым смыслом.
Мир необычный, странный, произвольный,
Не снившийся фантастам и учёным!
И в чёрном небе светит светом чёрным
Он. Треугольник. Четырёхугольный.
Он в центре мира в этом странном мире.
Четыре в нём угла. Увы, четыре.

Подражание восточному

- Скажи мне, веточка, где ты росла:
В аду или в райском саду?
И зачем она мне тебя принесла -
На радость иль на беду?
 - Ах, там, где она меня сорвала,
 Так близко от рая до ада:
 У Древа познания Добра и Зла
 Кончается ограда...
- Скажи, добро и зло познают
Те, кто любовь познали?
Скажи, о чём соловьи поют:
О радости или печали?
 - Мой милый, тот, кто любовь познаёт,
 Познаёт Добро и Зло,
 И таких вопросов не задаёт:
 Он знает - ему повезло!

— — —
Ты уходишь от меня, уходишь.
Ни окликнуть, ни остановить...
И не разлюбить, и не убить...
Ты уходишь от меня, уходишь.
Удаляющиеся шаги...
Звёздный свет за узкими плечами...
Слышу, слышу в тишине ночами
Удаляющиеся шаги...

— — —
Смолкает птичье пенье,
Отцвёл миндаль вчера...
Да, да, пора цветенья -
Недолгая пора!..
Да, да!
Умолкли трели,
И лепестки истлели
В земной пыли...
Но всё же
Птицы пели,
Цветы цвели!

— — —
Вот мы и простились.
Искоса взглянула.
Не поцеловала -
Руку протянула.
Может, и хотела,
Да от всех скрывала...
Так или иначе -
Не поцеловала.
...Даже на прощанье
Не поцеловались!
Может, мы с тобою
И не расставались!

— — —
Я знал, что женщины уходят,
и ты, и ты, как все, уйдёшь,
и в монотонном хороводе
закружит жизнь моя...
И всё ж
так неожиданен, так страшен
однажды наступающий миг
ухода дней,
 когда-то н а ш и х,
уже - т в о и х,
 уже - м о и х...

— — —
С собой душой не криви:
Признаться без ханжества надо -
Есть боль в умираньи любви.
Но есть и свободы награда.
Окончилась странная власть -
Бессмертное, хрупкое чудо -
Власть голоса, смеха и глаз...
Бедней и богаче я буду
И волен во всём над собой.
И снова, как в юности ранней,
В крови нарастает прибой,
В груди - холодок ожидания...

— — —
Бессмысленны слова и жалобы:
Так камень падает на дно,
Так из-под ног уходит палуба,
Когда спастись не суждено.
Так отъезжают с милой станции:
Последний дом, глициний гроздь...
Так после трудной ампутации
Болит отпиленная кость.

— — —
Ясно помню - чуть с усмешкой
Говорилось мне под вечер:
Кончен бал, погасли свечи...
Время спать, поди, не мешкай!
Кончен бал... Пошли заботы...
Ох, как быстро сникли плечи...
И опять бормочет кто-то:
Кончен бал, погасли свечи.

— — —
Сердце болит у меня
 ни с того, ни с сего.
Сердце болит у меня - отчего?
 От всего!
Сердце болит.
 Чья вина?
 Ни за что, ни про что...
Сердце болит и болит...
 Нет, ещё не прошло.
Сердце - ведь сердце! - болит...
 Помоги, я зову!
Сердце болит - это значит,
 я есть.
 Я - живу.

Письмо

Жив-здоров. Не глядишь на другую?
Вот и всё. Остальное стерплю...
Не грустишь? Но и я не тоскую.
Разлюбил? Но и я не люблю.
Просто мне, чтоб по белому свету
Подниматься дорогой крутой,
Нужно верить, что дышишь ты где-то,
Жив-здоров... И не любишь другой.

— — —
Любовь была, как тот легчайший сон,
Который умирающему снится...
Я знал, что без следа исчезнет он
И больше никогда не повторится.

Про себя

Вы зарыты, смяты, скошены,
Не найти вас, мир обшаривши,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.
Вы в лугах в соцветья вяжетесь,
В синь лесами рвётесь рослыми,
Вы мне маленькими кажетесь,
А тогда казались взрослыми.
Вас не давит время ношею,
Всех от утра к утру старящей,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.
Снег лежал на лбах остуженных
В пустоте разрывы ухали...
Сколько их, тех, ваших суженых,
Поувяло вековухами!
И твердил, гордясь живучестью,
Хлыщ, не нюхавший Германии:
- Мало нас, одна соскучишься,
Ты цени моё внимание!...-
Чья любовь, в несчастье брошена,
Вас звала сквозь стыд свой шпарящий,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи?...
Как царевна в сказке маминой,
Дочь её идёт за песнями.
Не обидь! Стеною каменной
За неё они - ровесники.
Как за всех в том адском крошечке,
Во всесветном том пожарище,
Мальчики мои хорошие,
Школьные мои товарищи.

— — —
Да, день есть день -
 нет чётности в любви!
Вот хоть поэты -
 как подчас пытались
Припомнить утром ту,
 с кем ночью шли...
А женщины до гроба похвалялись
Их страстью.
 Но лишь те сквозь звёздный чад
Шли с Беатриче по веков ступеням,
Кто обрекал поэтов по ночам
От горя плакать.
 Не от наслажденья.

— — —
Я один тебя любить умею,
да на это права не имею,
будто на любовь бывает право,
будто может правдой стать неправда.
Не горит очаг твой, а дымится,
не цветёт душа твоя - пылится,
задыхаясь, по грозе томится,
ливня молит, дождика боится...
Всё ты знала, всё ты понимала,
что дарила,- тут же отнимала.
Всё я знаю, всё я понимаю,
боль твою качаю, унимаю...
Не умеешь сильной быть и стойкой,
ты не будешь ни грозой, ни бурей...
Всё простишь ты мне, вину любую,
кроме этой доброты жестокой.

— — —
Любвей своих перебираю святцы...
Моя тому иль не моя вина,
~~Беспамятность, бесслёзность,- что считаться,-~~
Но как они бледнеют - имена!
И ни в одном - ни горечи, ни смуты...
Ах, кабы власть на то да в нас самих -
Души своей, клянусь, ни на минуту
Я б не доверил ни одной из них!
Но власть не наша, и не нам забота
Заглядывать сегодня на потом,
И что душа!.. Владей, бери без счёта!
Не допусти лишь пожалеть о том.

О происхождении гор

Да,
Недаром
Земле досталась
Прелесть этого края гористого!
Как терзалась она,
Как металась,
Содрогалась и билась неистово!
Вновь и вновь она в небо взмывала,
И, обрушась в бездну с размаха,
Не сдавалась она.
Восставала, вновь и вновь,
Восставала из праха!
И плыла,
И леденела,
И не веря, что всё напрасно,
На лету,
На лету
Каменела...
Оттого она так прекрасна!

— — —
Море моё пустынно,
на море тишь да гладь...
Может быть, это стыдно,-
так безнадежно ждать?
Напрасный огонь лучится,
виден издалека...
Я не могу отлучиться
с забытого маяка.
Я не могу отлучиться
ни на единый час:
вдруг что-нибудь случится
с тобой...

А огонь погас!

— — —
Ты не горюй обо мне, не тужи,-
тебе, а не мне доживать во лжи;
мне-то никто не прикажет:"молчи!",
улыбайся, когда хоть криком кричи.
Не надо мне до скончанья лет
думать - "да", говорить - "нет".
Я-то живу, ничего не тая,
как на ладони вся боль моя,
как на ладони вся жизнь моя,
какой ни есть, вот он - я!
Мне тяжело, тебе тяжелей...
Ты не меня,- ты себя жалея.

— — —
Река текла,
тяжёлая, как масло,
в ней зарево закатное не гасло,
и я за блеском неба и воды
не видел этой маленькой звезды.
Померкла гладь
серебряная с чернью,
затихла птичья сонная возня,
зажгли костёр...
И звёздочки вечерней
не разглядел я
в пламени огня.
Истлели угли, тёплый и густой,
распространился сумрак по откосу...
И за багровой искрой папиросы
звезды не разглядел я золотой.
Потом окурок горький
затоптали,
погас последний уголь,
и тогда
я вдруг увидел,
что из дальней дали
мне в сердце смотрит
вечная звезда.

— — —
Строил дом - и закончена стройка,
И не рухнет постройка, клянусь!
Всё надёжно, и прочно, и стойко,
Я вернусь туда снова, вернусь!
Всё вернётся. Тоска возвратится.
Возвратятся покой и уют.
Строят гнёзда и певчие птицы,
Только в них не живут: не поют.

— — —
Звёзды светят.
Шлют куда-то свет.
Шлют, как весть,
Надеясь на ответ.
Или
Не надеясь на ответ:
Тьма кругом,
И ей предела нет.
Но летит
Во тьме вселенской весть.
Весть о том,
Что свет на свете есть.
Звёзды - светят...

Листок последний

Не бывает любви
Несчастной.
Может быть
Она
Горькой,
Трудной,
Безответной
И безрассудной,
Может быть
Смертельно опасной,
Но несчастной
Любовь
Не бывает.
Даже если она
Убивает.
Тот,
Кто этого не усвоит,
Сам
Счастливой любви не стоит.

— — —
Так мы долго друг без друга,
Целый век - прошёл.
Нынче маятник упруго,
Мёртвый, вдруг пошёл!
Жизнь идёт сама собою,
Плавно, не скрипя,
Без помех, без перебоя,
Чисто, без тебя.

Ты прощай - и я прощаю
С нынешнего дня.
Больше - всё, не запрещаю
Забывать меня.

— — —
Просыпаюсь, и снова влюблён.
А в кого - это после придёт.
Пожелтевший осенний клён
У меня за окном встаёт.
Голубь стал мне с него ворковать,
Толковать ни о чём, ни о чём,
Будто целый мне век вековать
С юным сердцем и с первым лучом.
Не совсем ещё вытоптан луг,
Обрастающий снова травой...
Милый друг, говорю, милый друг,
Отзовись, я - живой...

— — —
Я верил, что любовь сильна;
Я верил, что любовь спасёт...
А руки холодны, как лёд,
А ночь длинна, а ночь темна...

— — —
Боль - это больше, чем недуг;
боль оттого, что годы - мимо,
боль оттого, что был любимым,
боль от сомнений, от разлук.

От счастья,
горя,
от всего,
что ранит вольно и невольно,
а боль какая оттого,
что сам кому-то
делал больно!

ОНА

*С глаз долой - из сердца вон!
Самый правильный закон.
А когда б не он, не он,
Уж давно бы сердце - вон!*

Ещё ничто не предвещало
Исчезновенья тишины.
Ещё предчувствие начала
Не проникало даже в сны.
Ещё прикидывались вещи
Совсем такими, как вчера,
Но было всё иным и вещим
И говорило мне: пора!
Пора?..

А я взглянуть боялась
В лицо твоё и стать иной...
Но молния уже металась
В притихшей туче грозовой!
Всё ярче, всё нетерпеливей
Сверкала, силы не тая...
И наконец-то грянул ливень!..
- Так началась любовь моя.

— — —
Приснилось мне, что я люблю другого,
Что мне легко и весело, но ты
Моей судьбой распорядился снова
С упрямым ощущеньем правоты.
Опять решил ты: этого не будет!-
И прикоснулся к моему плечу...
И снова ветер мне ресницы студит.
И снова я, как по ветру, лечу.
Опять смешались праздники и будни,
И сон, и явь, и радость, и беда...
И снова мы на сумасшедшем судне,
А за кормою тёмная вода.
И снова треплет нас меж берегами;
Мы - лёгкие: из трюма сброшен груз.
И не имеет почвы под ногами
Наш необычный, праздничный союз.
И ночь дрожит от молнии и грома,
И я во мгле твоих не вижу глаз.
И не имеет имени и дома
То, что навеки связывает нас.
И даль всё неогладней и темнее.
В чужих домах погашены огни...
Постой, постой, ты старше и умнее,
Помедли, погоди, повремени!
Вели причалить к берегу крутому
И не спеши по сходям вслед за мной.
Прости меня, пусти меня к другому.
Он - здешний, он - весёлый, он - земной!
Он - человек. Он - сухопутных правил.
Он ждёт меня давно... Но где же он?
Он не дождался, отступил, оставил...
- Как хорошо, что это только сон!

— — —
Соль на губах, на ресницах соль...
Я ничего не забыла.
Счастье и горе, радость и боль,-
Всё это было.

Но не было лжи, не было лжи,
Предательства и бесчестья.
Есть в прошлом у нас тропинка
в глуши,

Где мы проходили вместе.
Есть на холме вековые дубы,
Которые в зной и вьюгу
Простую историю нашей судьбы
Рассказывают друг другу.

И роща над пляжем ещё жива,
Которая правду знает,
И нашей любви золотые слова
Шепотом повторяет.

Есть над широкой рекой косогор,
Даль - не окинешь взглядом...
Не перемеришь земной простор,
Что мы исходили рядом.

Когда исчезнем с земли наконец,
Когда нас в живых не будет,
Звук наших шагов, стук наших сердец
Услышат другие люди.

Достанется им наш мир голубой,
Раскат грозовой, закат огневой,
Утренний ветер с луга,
Яблоневая вьюга...

Так пусть они любят,
Как мы с тобой,
Как мы
Любили друг друга!

— — —
Что за ночь на свете,
что за ночь!

Тихо как...
Сейчас случится чудо.
Я услышу голос твой:

"Мне худо!
Приходи...
Ты можешь мне помочь."

Словно небо надо мною, над тобою расколосось.
Словно взмыли эскадрильи по тревоге боевой.
Но и в громовых раскатах слышу твой спокойный голос:
Мы идём грозе навстречу с непокрытой головой.
Вот опять столкнулись тучи, хлещет ливень исступлённо,
Но уже на чёрном небе виден остров голубой.
Солнце вырвалось из плена. Хорошо дышать озоном!
Хорошо, что снова солнце на пути у нас с тобой!

— — —
Ни с того, ни с сего
Ты сегодня приснился мне снова,
Перед самой зарёй,
Когда дрогнула мгла,
И негромко сказал мне
Хорошее, доброе слово.
И от звука его
Я проснулась
И больше уснуть не могла.
 Чтоб его не забыть,
 Я почти без движенья лежала.
 Занимался рассвет,
 В петушьиные трубы трубя...
 Вот и минула ночь!
 А ведь я в эту ночь возмужала.
 До неё мне казалось,
 Что я разлюбила тебя.

— — —
Сосны качаются, сосны гудят,
Сосны клониться к земле не хотят,
Но ломит их ярость осеннего дня...
Помню, как сильно любил ты меня...

Поезд уходит в промозглую тьму,
Тьма убегает вдогонку ему,
За окнами темень, вокруг ни огня...
Помню, как нежно любил ты меня...

Полею иду, и несутся мне вслед
Шелесты лета и шорохи лет.
Даль расступается, далью пьяня...
Ах, почему разлюбил ты меня?..

— — —
Ми́нуло. Не было и нет.
Остыла. Рук не отогреть.
Но и сегодня, как на свет,
Мне больно на тебя смотреть.

— — —
А я для вас неуязвима,
Болезни,
Годы,
Даже смерть.
Все камни - мимо,
Пули - мимо,
Не утонуть мне,
Не сгореть.
Всё это потому,
Что рядом
Стоит и бережёт меня
Твоя любовь - моя ограда,
Моя защитная броня.
И мне другой брони не нужно,
И праздник - каждый трудный день.
Но без тебя я безоружна
И беззащитна, как мишень.
Тогда мне никуда не деться:
Все камни - в сердце,
Пули - в сердце...

— — —
Синие, прозрачные глаза,
Словно капли ясного металла...
Не о вас ли много лет назад,
Как во сне, я думала, мечтала?
Поздно мне пришлось вас повстречать.
Да и посветили вы мне скупо...
Что же, мне об этом -
 закричать?

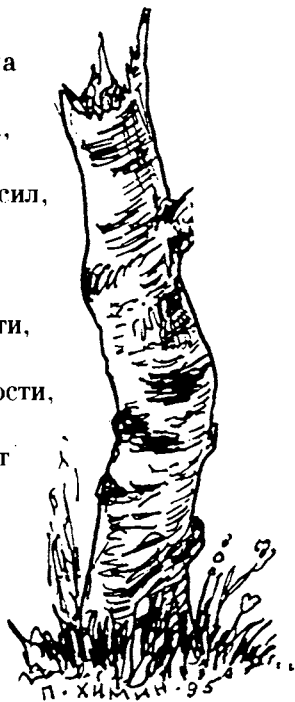
Зарыдать?
 Не стоит.
 Поздно.
 Глупо.

— — —
Не охладела, нет,
скрываю грусть.
Не разлюбила, -
просто прячу ревность.
Не огорчайся,
скоро я вернусь.
Не беспокойся,
никуда не денусь.
Не осуждай меня,
не прекословь, не спорь
в своём ребячестве
жестоким...
Я для тебя же
берегу любовь,
чтоб не изранил насмерть
ненароком.

— — —
Так уж сердце у меня устроено:
не могу вымалывать пощады.
Мне теперь - на все четыре стороны...
Ничего мне от тебя не надо.
Рельсы - от заката до восхода,
и от севера до юга - рельсы.
Вот она - последняя свобода,
горькая свобода погорельца...
Застучат, затарахтят колёса,
вольный ветер в тамбуре засвищет,
полетит над полем, над откосом,
над холодным нашим пепелищем.

— — —
Не надо приходить на пепелища,
Не нужно ездить в прошлое, как я,
Искать в пустой золе, как кошки ищут,
Напрасный след сгоревшего жилья.
Не надобно желать свиданий с теми,
Кого любили мы давным-давно;
Живое ощущение потери
Из этих встреч нам вынести дано.
Их час прошёл. Они уже подобны
Волшебнику, утратившему власть.
Их проклинать смешно и неудобно,
Бессмысленно им вслед поклоны класть...
Не нужно приходить на пепелища
И так стоять, как я теперь стою.
Над пустырём холодный ветер свищет
И пыль метёт на голову мою.

— — —
Я слишком счастлива была
в жару любви твоей.
Я слишком поздно поняла,
что я была сильнее,
что мне на всё хватило б сил,
на долгий, долгий срок.
Что ты о помощи просил,
когда бывал жесток.
Что можно было всё спасти,
принять за всё ответ.
... Но некому сказать: прости,
тебя, ведь, рядом нет.
И только на губах горят
бессильные слова.
К чему?!
А люди говорят,
что я ещё жива.

И вдруг мне вздумалось: никто
Меня не помнит в мире...
Ширь океана, как плато,
Не морщит сизой шири...
И берег пуст - у всех своё.
Дымится горный конус...
- Никто не помнит? Чуть, враньё!-
Я крикнула, опомнясь.
- Не помнит!- повторила темь,
Стараясь глаз коснуться...
И вот уже который день
Я всё хочу проснуться.

— — —
Любящим
Хотела б пожелать я:
В радости,
В разлуке или горе
Вечно помнить
Первое объятье,
Забывая
О последней ссоре.

— — —
Дурманящей, росистой чашею
черёмуха -
дыши, гляди,
ласкай, ломай...
И боль щемящая,-
как мало вёсен впереди!
А стоит ли уж так печалиться,
прощаясь с миром дорогим?
Ничто на свете не кончается,
лишь поручается другим.
Другим любовь моя завещана,
в других печаль моя горька...
Сто тысяч раз
другая женщина
всё пронесёт через века.
Ничто не пропадёт,
не минется.
Всё праздничнее, всё милей
цветёт черёмуха -
любимица
покойной
матери
моей.

Страну

Pater ergo sum

Иногда иррациональнее есть...
Но там безумнее сомнений,
Или истиннейшей эта дробь -
- Священный трепет в догматы.

Что займут в обретенный круг
Восторженные противоречия,
Мат должны в смысле различия
Усложнить обещания истины;

И выходящая вдали жизнь,
Почему, замалчивая руги;
В непереводимом - что-то есть,
В неповторимом - нет различия.

В неповторимом - музыка,
В непереводимом - бесконечность...
И смерти нет, и жизнь стала
Из мира переставит в вечность.

За бесконечную любовь,
За безграничную свободу
Великому счастью предаться,
Иди в огонь, бросайся в воду;

Отдай за светлую ленту
Потускневшего прикрасья
Всю превратную красоту.
Великое превратное счастье.

А что касается жизни
Бредущему и прочим бредней,
Если ты поэт - забудь с ним
А этой ослепной обидней.

Страдаю - значит существую.

В. Пугачев

Один из сохранившихся черновиков с подписью автора.

Последний доклад,
прочитанный В.М.,
был посвящён твор-
честву К. Пестрво.

программа

1-е ОТДЕЛЕНИЕ

Доклад о творчестве К.П. Пестрво

- В.М. ПУГАЧЕВ

ВОСКРЕСЕНЬЕ - 21 ОКТЯБРЯ 1979 ГОДА
РУССКИЙ КЛУБ
СТРАТФИЛЬД - СИДНЕЙ

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

*Души моей касается сегодня
Высокая молитвенная грусть,
Я ночь провел за Книгою Господней,
Которую я знаю наизусть.*

*И до зари, до самого рассвета,
Я не смыкал трепещущих ресниц
Над Откровеньем Нового Завета
Таинственных Евангельских страниц.*

.....
*Се Человек! И был он призван Богом
Об истине и Правде возвестить.
По торжищам, распутьям, синагогам
Он звал прощать, смиряться и любить.*

*Не уходя от нищеты житейской,
Неведению отпустив вину,
Пир разделяя в Кане Галилейской,
Он с мытарем входил в Капернаум.*

*И был Им дух сомнений и прельщений,
Тревожный призрак атомных времен,
В глухих ночах пустынных искушений
Свободою в Себе преодолен.*

.....
*Как змеи черные, грехи мои повисли,
Пути мои растленны и темны.
Мне душу жгли прельстительные мысли
Пустынных искушений сатаны.*

*Под этим вечным, бесконечным небом,
Свой незаметно изживая век,
Я тоже думал, что единым хлебом
Пребудет жив и счастлив человек.*

*Я - только тень, бегущая от дыма,
По-человечески душа моя слаба,
Но я несу в себе неукротимый
Свободный дух Господнего раба.*

*Пускай душа тоскует и бунтует,
Пусть смертный страх уму не побороть,
Грядет по миру, светло торжествуя,
Поправший смерть, замученный Господь.*

*Моя душа, как жертвенник сегодня
В подножии Голгофского Креста.
Я ночь провел за трапезой Господней,
Касался ран воскресшего Христа...*

Рассказы

КОГДА НАДО...

Эта маленькая русская девочка прибилась ко мне на прогулке. Что она русская, я знал уже в автобусе: по дороге сюда ее родители сердито говорили с ней и между собой по-русски.

Я шел над берегом океана, а она шла по берегу океана. Поровнявшись со мною, она сказала по-английски:

- У меня есть гребенка. Хочешь причесаться?
- Спасибо, - по-русски отозвался я, - только мне нечего причесывать.
- Волосы, - по-русски сказала девочка.
- Волос-то у меня почти нет.

Девочка недоверчиво покосилась на меня и на мою шляпу.

- Куда же они девались?
- Они опали, - сказал я. - Знаешь, как осенью опадают листья?
- Не знаю.

Она, видимо, пережила так немного осеней, что не запомнила, как опадают листья, и мне пришлось объяснить ей:

- Осенью листья желтеют и падают на землю. А весной вырастают новые, зеленые.
- Что же у тебя не вырастут новые, ведь уже весна?

На меня выжидательно смотрели два больших серых глаза. Они, эти глаза, были уверены, что взрослый может ответить на любой вопрос - на то он и взрослый. А пока я молчал, обдумывая ответ, девочка спросила:

- У меня тоже опадут волосы... и не вырастут?

- Нет, нет! Ни один волос не упадет с твоей головы. А когда ты станешь старенькой, волосы побелеют.

- Как сырокваша?
- Сырокваша?!
- Я ее не люблю, но ем. Заставляют.

Тут я сообразил, что речь идет о простокваше, и засмеялся. Девочка тоже засмеялась, и я понял, что она знает, как правильно сказать по-русски, но привыкла вместо простокваши говорить сырокваша.

Мы шли по пляжу, по непросохшему и зыбкому песку, который пружинил под ногами, как матрас. А рядом шипела пена океанского прибоя, и от нее пахло рыбой и водорослями. Полуденное солнце пригревало и пощипывало лицо. Это было одинаково приятно мне и моей спутнице. Я снял шляпу и надел шутки ради на девочку. Она поправила ее так, чтобы шляпа не закрывала глаза, и вдруг спросила:

- Ты чей?

Никто, как дети, не умеет так ловко ставить человека в тупик своими вопросами. Чей я? Когда-то, очень давно, я был мамин. Потом... А вот чей я теперь?

- Ничей, - грустно ответил я.

Два больших серых глаза внимательно смотрели на меня.

- Так не бывает! Ты чей-нибудь?

- Ничей, - повторил я и почувствовал, как от глаз моей спутницы исходит тепло. Я повеселел от этого тепла и сказал:

- Хочешь, буду твоим?

Я ждал утвердительного ответа. Но девочка остановилась, наклонила голову и задумалась. Я понял, что она не просто думает, а решает множество житейских вопросов. Например, куда меня деть, что со мной делать, чем меня кормить и куда прибить гвоздик для моего пиджака. А я стоял перед нею - большой, загадочный и чем-то не похожий на знакомых ей взрослых.

Моя маленькая спутница не поняла шутки и про себя, вероятно, прикидывала, что я за человек. Может быть, я не мою руки перед едой, и у меня после гулянья всегда мокрые ноги, и я ем конфеты тайком, чтобы ни с кем не делиться? Мы как бы поменялись ролями, и она, наверное, впервые в жизни почувствовала себя взрослой, вынужденной принимать решения, и у нее впервые

прорезалось чувство ответственности: "Хочешь, я буду твоим?" Она не торопилась ответить "хочу!", но и не сказала "нет".

Неожиданно девочка спросила:

- Ты не куришь по ночам?

Этот внезапный, как вспышка, вопрос сразу разрушил мои предположения о ходе ее мыслей.

Какие там мокрые ноги и невымытые руки!

- Нет! Давно бросил. Не курю. Ни днем, ни ночью, - ответил я. - Почему ты спросила об этом?

Девочка сдвинула шляпу на затылок и очень естественно ответила:

- Я слышу дым во сне. Я кашляю от дыма!

Она кашлянула для убедительности и задала новый вопрос:

- Ты не просишь все время деньги?

- Деньги? Зачем мне просить деньги?

- Не знаю...

Глаза девочки потемнели и на мгновение показались мне взрослыми.

- Что ты! Я не прошу деньги, а зарабатываю их. Сам я. Понимаешь? Я же взрослый.

- Ну и что ж, что взрослый? Взрослые еще как просят.

Она не сводила с меня глаз. Ей очень хотелось поверить, что я не курю ночью и не прошу денег, но ею владела настороженность и она продолжала задавать мне вопросы:

- Ваську не выгонишь из дому?

- Я люблю Васек, Мурок и Рексов!

- Васька - это собака. Одно ухо белое, другое - черное.

- Я люблю разноухих! - вырвалось у меня и я сжал ее маленькую руку.

Мы шли обратно по песку пляжа, и шипящая пена прибоя почти касалась наших ног. А моя маленькая спутница продолжала расспрашивать меня: не завожу ли ночью пластинки, не ругаюсь ли из-за того, какую телевизионную передачу смотреть, не валяюсь ли я по воскресеньям в постели и не кричу ли из-за неглаженных брюк и неготового обеда? Из этих вопросов, словно из мокрой серой глины, она вылепила тусклого серого человека, который не способен радоваться, что рядом с ним живет, растет, изобретает слова такое прекрасное большеглазое существо. Он - этот глиняный - сделал ее настороженной, не доверяющей людям...

Мы шли по парку. Вместо зыбкого, мокрого песка теперь под ногами, покрытая влажной травой, хлюпала красноземная австралийская почва. И ее резкий земляной запах вытеснил запах океана, солоноватый запах воды и водорослей. А может, это бил в нос запах серой глины, из которой девочка вылепила портрет серого и тусклого человека, вероятно, своего отца?

Я искоса смотрел на девчурку, на ее спутанные ветром каштановые волосы, на мочки маленьких ушей, на синее платьице с очень аккуратной, почти невидимой заплаткой, на коленки, забрызганные песком и красноземом от беготни по лужам.

- Я буду любить тебя... Не буду курить по ночам, кричать на маму и выгонять из дому разноухого Ваську... И когда придет моя новая весна, у меня обязательно вырастут волосы... Пусть зеленые...

Ничего этого я, конечно, не сказал своей спутнице. Я вздохнул и надвинул ей свою большую шляпу на самые ее серые большущие глаза... Мы шли по непросохшему глинистому желтозеленому, ноги у нас разъезжались, и несколько раз мы чуть было не растянулись, но в последнюю минуту удерживали друг друга. То ли от этого скольжения, то ли оттого, что один из нас с трудом лепил, а другой с неприязнью рассматривал серого тусклого человека, - мы оба очень устали. Девочка первая почувствовала это и сказала:

- А я умею писать восклицательный знак!

Она тут же пальцем на мокрой желтой земле нарисовала палочку и точку.

- Зачем этот знак? - спросил я, делая вид, что не разгадал ее словечка.

- Чтобы все слышали... когда надо, когда очень надо, - ответила она.

И мы стали кричать "кто громче", чтобы испытать действие "восклицательного" знака.

Простились мы у водопроводного крана, где пляжники обмывают ноги. Девочка присела на корточки и стала мыть коленки. Вода была холодной, но девочка терла коленки до тех пор, пока они не стали красными. Потом она распрямилась, вытерла руки о платье и протянула мне шляпу.

- Приходи сюда опять, - сказала она мне, как своему давнему приятелю, и побежала.

А я надел еще теплую шляпу и подумал, что от этого тепла и в самом деле у меня снова могут вырасти волосы, зеленые, как весною на деревьях...

* * *

РЕКС

Сперва обокрали дом номер 8. Унесли всё, кроме каминной решетки. Потом обокрали дом номер 12. Тут захватили и каминную решетку. Кроме того, потоптали розовые кусты перед домом и варварски обломали любимый фикус. Наш дом, дом номер десять, задрожал от страха.

- Нет, определенно, история эта начинает мне не нравиться, - сказала мама.

- Я не паникёр, - сказал папа, - но меня это тоже волнует.

- Не хватает еще, чтобы нас обчистили! - сказал дедушка.

- Точно такая же история, - отозвалась бабушка, - произошла с отставной артисткой Вакханюк-Пружанской. Пришел симпатичный юноша и назвался электро-монтером. Покопался в телевизоре, и Вакханюк хотела дать ему на чай. Но он гордо отказался: дескать чаевые оскорбляют его человеческое достоинство. Деликатная старушка страшно сконфузилась, начала извиняться и просить великодушно простить ее. Пригласила его в столовую, чтобы угостить и вместо чаевых подарить фотокарточку, где она в молодости изображена в декольте в роли мадам Сан-Жен... Молодой человек вошел в столовую и вдруг, потянув носом, сказал, что в комнате пахнет электричеством. И попросил дать ему чистую бутылку, чтобы взять в нее пробу воздуха. Пока доверчивая артистка мыла в кухне бутылку, юноша обчистил полдома, унес целый тюк с вещами, но фотокарточку с мадам Сан-Жен в декольте почему-то не взял...

- Странно, - сказала мама.

- Что странно? - спросил папа.

- А то странно, что он не взял фотокарточку.

- Видимо, его не очень интересовала театральная профессия, - сказала бабушка.

- Зачем же копаться в телевизоре?

- Из альтруизма, - сказал дедушка.

- Что такое альтруизм? - спросил я.

- А черт его знает! - рассердился папа. - Вечно ты лезешь со своими дурацкими вопросами.

Так или иначе папа с бабушкой стали ложиться в комнатах, хотя обыкновенно, из-за жары, спали на веранде. По ночам мама стала страдать бессонницей и ворочаться в постели. Ей казалось, что кто-то открывает окно. Она всё время будила папу. И папа спросонья подползал к окну, держа в зубах железный шкворень. Он был похож на пирата из кино-картины "Остров сокровищ". Только у того был не шкворень, а кинжал, и вместо полосатых подштанников он носил красные шаровары. Мама и бабушка по утрам вставали с головной болью. Папа и дедушка, не выспавшись, злые, как черти, уезжали на работу. Так продолжалось неделю. Дедушка уже хотел было перебраться на веранду, как вдруг обокрали номер шесть. Папа опять взялся за шкворень. Но мама сказала, что это не оружие. Лучше купить парабеллум или хотя бы двустволку. Тут папа вспомнил про собаку. Ее даст дядя Ноздрачев. Он уезжает, и ему не на кого оставить овчарку. Мама сказала, что она терпеть не может собак, но теперь выхода нет.

В субботу утром Ноздрачев привез Рекса - высокого, худого, черно-желтого пса. Морда у Рекса была добрая и умная, только задние ноги немного кривые, и ходил он раскорячившись, не совсем красиво. Ноздрачев сказал, что в детстве Рексу не остригли на задних лапах когти, и они здорово отросли, а теперь ему трудно ходить красиво. Папа ответил, что ему плевать на красоту. Важно - какой Рекс сторож. Ноздрачев только улыбнулся и вынул из кармана бумагу - паспорт Рекса. Там было написано, что Рекс, сын Кинга и Норы, - восточноевропейская овчарка.

Ноздрачев пробыл у нас весь день и всё рассказывал, как надо кормить овчарку, и что ей не в коем случае нельзя давать утиные, куриные и другие птичьи кости, и что из супов она больше всего любит перловый, а из фруктов - сливы и ананасы. Поздно вечером Ноздрачев уехал. Мама думала, что собака будет всю ночь метаться по дому, выть и искать хозяина, но не тут-то было. Рекс съел целую кастрюлю перлового супа и сразу завалился спать. Через минуту он уже так храпел, что стекла в окнах дрожали.

- У меня создается впечатление, - сказала мама, - что в доме спит пьяный извозчик.

- Его надо разбудить, - предложил папа.

- Не делай этого! - испугалась мама. - Спросонья он может кинуться на тебя.

Мама всю ночь не сомкнула глаз. Зато Рекс хорошо выспался. Утром он встал позже всех. Он снова запросто съел кастрюлю супа, прогнал со двора кошку и облаял проезжавший автобус.

- Это мне начинает нравиться, - сказал папа. - Он будет хорошим сторожем.

Через несколько дней папа и бабушка перебрались на веранду. Рекс целыми днями носился по двору, и стоило кому-нибудь появиться на улице, как он со всех ног бежал к забору и поднимал страшный лай.

- Определенно на него можно положиться, - сказал папа в прошлую субботу. - Прав был Ноздрачев. Пес знает свои обязанности. Он не даром жрет свой суп и не жалеет глотки. Его надо премировать за бдительность!

Мама взяла позавчерашнюю котлету и пошла угощать Рекса. В это время на улице показался почтальон. Он шел торопясь и рассовывал письма в почтовые ящики домов на нашей улице. У Рекса шерсть на спине встала дыбом, и он бросился к забору. Он залаял изо всех своих собачьих сил. Почтальон остановился и ласково сказал по-английски: - Фу! Нельзя, дурень!

Рекс сразу же закрыл пасть и завертел хвостом, будто перед ним стояли папа Кинг и мама Нора. Почтальон просунул руку в щель забора и почесал у Рекса за ухом.

- На место! - не своим голосом закричал папа. Но Рекс и ухом не повел. Он побежал следом за почтальоном, тыкался мордой в забор, чтобы тот почесал его.

- Боже мой, вы видели что-нибудь подобное?! - простионала мама.

- Всё ясно, - сказал папа. - Подлец Ноздрачев втер нам очки. Она только по паспорту овчарка. Вот вам еще одно доказательство, что нельзя слепо доверять любой бумаге и единоутробным соотечественникам.

- Что же теперь будет? - спросила мама.

- Ничего особенного. Если заберутся воры, Рекс поможет им вытащить вещи.

Как всегда папа и тут оказался прав. Несмотря на то, что он с дедушкой сразу же перебрались с веранды в комнаты, в среду днем нас обокрали. Унесли всё, даже папин железный шкворень. Рекса же папа, за альтруизм, мерзко сквернословя, отвез ноздрачевской племяннице.

ВСТРЕЧА

А счастье было так возможно...

Он познакомился с нею на "Братьях Карамазовых" в кинематографе "Лидо". Сидели рядом, вышли по окончании сеанса вместе. На первый взгляд ему ничто не угрожало. У нее был вполне нормальный вид, она была даже без портфеля. Не теряя времени, он заговорил о литературе. Он решил избежать голого перечисления великих имен и сразу взялся за текст.

- Н-да, - сказал он, глянув в витрины "Уолтонс", что наискосок от Таун Холла. - Как это у Маяковского? "Окна разинув, стоят магазины..."

- "В окнах продукты, вина, фрукты", - сразу подхватила она.

Минуту они молчали. Наверно, каждый из них про себя произнес: "от мух кисея..." и т.д.

- Как вас, извините, зовут?

- "Итак, она звалась Татьяной".

- А меня - Олег.

- "Как ныне собирается вещей Олег", - сказала она насмешливо.

- Вы учитесь? - спросил он.

- "Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь..."

"Надо говорить о чем-нибудь отвлеченном", - подумал он и сказал:

- А мой приятель Ньям-нья, негр, приехал из Африки!

- "Россия тянет вместе с Африкой, / И получается дай Бог!" - быстро сказала она, подумала и добавила: - Африка имеет форму сердца.

У входа в станцию сиднейского метро "Таун Холл" он предложил ей:

- Может быть, немного пройдемся?

Она молчала, и ему подумалось: "Ну вот, слава Богу и всё".

- Вы не спешите?

Она отрицательно покачала головой, потом посмотрела на него загоревшимся взглядом и произнесла со счастливым вздохом, как будто посоветовала: - "Спешите делать добрые дела."

Он не знал из какого это классика, да и вообще, цитата ли это, но на всякий случай затравленно улыбнулся и растерянно пробормотал:

- Н-да... Так...

- "Да, так диктует вдохновенье", - сказала она.

- Но я же люблю прозу, - ошалело возразил он.

- "Стихи и проза, лед и пламень".

- Много вы знаете.

- "Я знаю, что я ничего не знаю".

- Довольно, - прохрипел он.

- "Довольно, стыдно мне пред гордою полячкой унижаться".

- Три пальмы! - заорал он. Три карты! Три мушкетера, три веселых друга! Я уйду, как говорится, в мир иной. До свидания, девочки! До свидания, мальчики!

Он быстро побежал от нее в сторону, а она кричала ему вслед:

- "И мальчики кровавые в глазах"...

К 6-ому декабря

(ВОСПОМИНАНИЯ)

День Св. благоверного князя Александра Невского. Корпусной праздник.

Накануне, с утра, наряды кадет дежурили на вокзале. Встречали гостей. На ужин была традиционная "фасоль в томате", ржаной солдатский хлеб. Служились всенощная и панихида с поминовением воинов, павших на Калке, льду Чудского озера, Куликовом поле, в Полтавской, Куненсдорфской, Бородинской и иных битвах, в боях у Севастополя, Плевны, в Кавказских горах, в туркестанских песках, на маньчжурских и галицийских равнинах, в "междоусобной брани живот свой положивших". Поминались имена великих князей, царей, императоров, военачальников. Имена кадет по синодикам российских корпусов. Была "заря с церемонией", с производством шестерых старших кадет в вице-фельдфебели, в вице-унтер-офицеры. Поздно трубил "отбой" дежурный горнист. За полночь во многих окнах огромного здания не гас свет. Шли приготовления к празднику.

Шестое декабря. Шесть часов утра. Сегодня не дневальный горнист, в попытках выскочивший - со второго на третий этаж - на площадку парадной лестницы, чтобы спросонья выдуть всем ненавистный будничным сигнал побудки "Вставай, вставай, подымайся!" - а в парадной форме четверка лучших корпусных корнетистов, закинув вверх начищенные до ослепительного блеска серебряные Сибирских, Крымского, Донского корпусов, фанфары, концертно выводит праздничную мелодию "Царского подъема".

В предрассветном сумраке зимняя ночь борется с утром. Серебряный голос фанфар рвет чуткую тишину гулких высоких коридоров Полоцкого, роты Его Высочества, Владимиро-Киевского - второй, Одесского - третьей рот. Заливаются, орлиным клекотом взывают фанфары. Вдрагивают витые шнуры и обшитые кистью малиновые прямоугольники их прапоров. Мерцает вышитый на них Шефский вензель Первого Русского Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса.

Подъем. Заправка постелей. Уборка спален. Умывание ледяной водой. Дежурные по ротам офицеры-воспитатели обходят построенных по отделениям, еще в повседневных гимнастерках, кадет. Здороваются. Восемь раз огромное здание оглашается хором десятков голосов: "Здравия желаем, господин полковник!", "Здравия желаем, господин капитан!" Принимаются рапорты от сдающих наряды, вступающих на дежурство кадет. Утренняя гимнастика. Без четверти семь - рокот фанфар. Призыв к утренней молитве.

Перед иконой Св.Николая Чудотворца, небесного покровителя Полоцкого корпуса, молится рота Его Высочества. Теплится перед иконой лампада алого стекла, - по цвету погон полоцких кадет. Вторая рота - перед киотом с образом Св. равноап. князя Владимира, с лампадой белого стекла. Белый погон носили кадеты-Киевляне. Владимирским прозывался их корпус. Третья рота - на молитве у киота с ликами Св. Кирилла и Мефодия, с лампадой синего стекла. Синим был погон Одесского корпуса. Небесные его покровители - Св. Кирилл и Мефодий.

Кончают ротные церковники утреннюю молитву обычным поминанием: "Всех воинов российских... на поле брани... Помяни Ты, Господи, во Царствии Твоем". Только в ротных коридорах смолкают голоса их, с лестничной площадки, коротко и задорно, рокочат фанфары, сигнал на завтрак.

Строем, по старшинству, роты спускаются вниз. Рота Его Высочества направо, в Петрово-Полтавский, вторая и третья, налево - во Владивокавказский коридоры. Названы они в честь российских кадетских корпусов, вошедших в состав Крымского корпуса.

У первого - со второго на первый этаж - поворота парадной лестницы на стене надпись: "Помните, что имя носите". Под нею на небесно-голубом фоне, художниками-кадетами масляной краской написаны здания кадетских корпусов Киева, Одессы - в России, Белой Церкви - в Югославии. Их знаки. На знаке Первого Русского Корпуса его малиновый погон как бы соединяет скрепленный белый и синий погоны старых российских корпусов.

У стеклянных дверей вестибюля - "Равнение налево!" - первой, "Равнение направо!" - второй и третьей ротам. На обычном месте - директор "в домашнем" генеральском кителе. За ним - правая рука вытянута кистью у фуражек с малиновым околышем - офицеры-воспитатели, - командиры рот, дежурный по корпусу вице-унтер-офицер. Знакомый, чуть грассирующий

голос: "Здравствуйте, кадеты!" В ритм марша три раза гремит четко различаемый по слогам ответ сотен юношеских и мальчишеских голосов: "Здравия желаем, Ваше Превосходительство!"

Роты в столовых. Разошлись по столам, стоят, не шелохнутся. Первая - лицом к тяжелому, в старинном серебряном с золотом окладе, триптиху Сибирского, вторая и третья - к такому же триптиху Хабаровского кадетских корпусов. Горят перед ними лампы. "На молитву!" Церковники читают "Очи всех на Тя, Господи..." Разрешение - садиться.

На столах медными шлемами ведерные, из России, чайники. В них чай, кофе с молоком. Фаянсовые, Кузнецкого завода, кружки, с оранжевой меткой "В.К." - Владимиро-Киевского корпуса. Подносы - Владикавказского. На них бришки, слойки, калачи, собственной корпусной пекарни выпечки.

После завтрака, после молитвы "Благодарим Тя, Христе Боже..." роты строем разводятся по ротным помещениям. Переодеться в парадное... Певчий фанфарный сигнал. В церковь. Храм имени св.Константина и Елены - святых покровителей Крымского корпуса. Проскомидия. Кадет-причетник читает часы. Горят свечи, паникадила. Пахнет воском и ладаном. Цветами убраны иконы. Малиновая, с золотым восьмиконечным крестом завеса на царских воротах. Золототканые, малинового шелка покровы на аналоях. Высоко над иконостасом в серебряной филигранной ризе старинная икона св.Александра Невского в венке малиновых - цветов корпусов - гвоздик. Перед нею малиновым огоньком - лампада.

На левом клиросе кадеты в белых гимнастерках - певчие церковного хора. На правом - гости, институтки Донского Мариинского Института в Белой Церкви, в снежно-белых пелеринках, в темновишневых, голубых, черных, снизу доходящих до щиколотки, строгих парадных платьях. Чуть-чуть опущены головы в скромном праздничном уборе каштановых, белокурых, темных волос. Тень ресниц на девичьих лицах.

По обе стороны длинной ковровой дорожки - носки на ширину ружейного приклада, руки по швам, лицом к иконостасу, - застыли, как по линейке выравненные, в парадных малиновых погонах с желтым великокняжеским вензелем, ряды кадет. На них обтянутые, без единой складки спереди, парадные гимнастерки. Широкий, туго опоясывающий, черный кожаный кушак. Сияют золотом медные бляхи, пуговицы. Рядом офицеры в парадной форме, при орденах. За ротой Его Высочества - полурота "старых" кадет: Офицеры и юнкера в парадных формах частей югославянской армии, инженеры, доктора, студенты в штатском. Еще сзади - родители, сестры, кузины кадет, гости - гимназистки и гимназисты, студентки и студенты, съехавшиеся к этому дню в Юелую Церковь со всех концов Югославии.

Звеня шпорами, в парадном генеральском кителе, проходит с почетными гостями к своему месту "у коврика" директор. Соблюдая положенные два шага дистанции, бесшумно плывет за ним дежурный по корпусу вице-унтер-офицер.

Корпусной батюшка, в парчевом малиновом облачении, с золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, раскрывает царские ворота. Там - золотом вышитая пелена на престоле. Семисвечник, чаша св.Причастия, дароносица, церковное Евангелие,заложенное алой с оранжевой каемкой широкой лентой ордена св.Анны первой степени, тяжелый на престольный крест, кадильницы, церковная утварь, хоругви, все реликвии Сибирских, Крымского, Донского и иных российских корпусов. За престольный образ Спаса Нерукотворного а алтаре - знамя, пожалованное Сумскому кадетскому корпусу.

Литургия. Молебен. Перед молебном трубы корпусного духового оркестра в глубине Петрово-Полтавского коридора, у корпусного музея, певуче начинают играть знаменный марш Корпуса. В храме настороженная тишина. Четкие шаги знаменного взвода замирают у его дверей. Слышна приглушенная, вполголоса, команда: "Под знамя, слушай!" В сопровождении адъютанта корпуса вице-унтер-офицер - знаменщик медленно, к самому алтарю, пронесит по церкви корпусное знамя. Плывет в воздухе, плавно поднимаясь и опускаясь в такт шагам знаменщика, развернутое, в предохранительном чехле из красноватой марли, столетнее полотнище знамени Полоцкого корпуса. В конце молебна, при пении "Многая лета", копусной священник кропит его освященной крещенской водой.

Парад. Сверкающие медью инструменты корпусного оркестра в полном составе. Офицеры и рота Его Высочества в белых перчатках. Команда: "Батальон... на двувзводной дистанции... повзводно..." Мощные раскаты марша лейб-гвардии Преображенского, первого полка Петровской Императорской Армии. Стройно движущаяся колонна кадет, - подбородок в грудь, равнение направо - в торжественном церемониальном марше. Впереди корпуса, разбитая на два взвода, марширует полурота "старых" кадет.

Праздничный обед из четырех блюд. Кадеты обедают попеременно с гостями. За столами второй и третьей рот приглушенный гул голосов. В столовой роты Его Высочества светски-чинная тишина. Там обедают директор корпуса, начальница института, почетные гости, по-девичьи чопорные, неприступно-церемонные институтки и гимназистки.

После обеда часть кадет вместе с родителями, сестрами, кузинами, друзьями отправляется в отпуск. Гостям предоставляется возможность осмотра корпусных музея, учебных и фотографического кабинета, гимнастического зала, фундаментальной, трех ротных библиотек, трех читальных комнат, мастерских. Кое-кто идет в лазарет посетить больных, товарищей, поболтать, поиграть с ними в шахматы. "Старые" кадеты ходят в окружении малиновых погон, о чем-то оживленно беседуя. Некоторые играют в пинг-понг в третьей роте, "режут" на спортивной площадке в волейбол с кадетами второй роты.

Между тем, по всему корпусному зданию идут деятельные последние приготовления к балу, во второй и третьей ротах - к концерту в своих ротных помещениях.

Без пяти пять вечера. Читальная комната, учебные аудитории роты Его Высочества обращены в цветники, в комнаты отдыха, в павильоны. Петрово-Полтавский и Владикавказский коридоры превратились в зимний тропический сад. В них - зелень вечно зеленых растений, запах елочной хвои и дубовых веток, гирлянды разноцветных фонариков, лампы. Там и здесь натыкаешься на убранные зеленью и цветами избушки в русском стиле, японские и китайские домики, просто беседки, где хмурые личности (кадеты шестого класса по наряду), загримированные и в фантастических костюмах, предлагают каждому освежиться квасом, лимонадом, клюквенным. Сами же упиваются этими прохладительными напитками до того, что у них с неделю в животах булькает и глаза лезут на лоб от икоты и отрыжки в самые неудобные моменты.

В зале возбужденное многолюдие. Кадеты восьмого и седьмого классов в белых гимнастерках. Югославянские офицеры и юнкера в парадных голубых и темно-синих мундирах. В матово-белых бальных пелеринках институтки и гимназистки. Дамы и барышни в изящно-простых строгих платьях. В темных костюмах - штатские. На груди у каждой дамы малиновая гвоздика, у плеча - значок первого котильона. В руках - папка инкварто из паспарту. На ней акварелью или тушью, от руки, рисунок и муаровая розетка. с лентами. В розетке римская цифра - номер выпускного класса этого года. В папке каллиграфической славянской вязью - программа сегодняшних спектакля и танцев.

Точно в пять в зал в сопровождении вице-фельдфебеля выпуска входит директор. Офицеры, "старые" кадеты, кадеты встают. Директор предлагает садиться. Садится сам.

По традиции спектакль начинается маршем хора из двенадцати фанфар в сопровождении духового оркестра. Затем мелодекламация и декламация стихов авторами-кадетами. В корпусе, к слову сказать, с самого его основания существует литературное объединение "Княже-Константиновцев", с девизом "Во имя доблести, добра и красоты", выпускающее свои печатные беллетристические и поэтические сборники. Затем постановка кадетского театрального кружка. Затем струнный кадетский оркестр. Выступления музыкальных и хоровых ансамблей. Выступления солистов. Групповая и сольная партерная гимнастика.

В семь - гости и кадеты восьмого и седьмого классов ужинают. Кадеты шестого класса, - такая традиция, - ворча и про себя поругиваясь, готовят зал к балу.

В восемь часов несколькими турами, под звуки традиционного первого вальса "Тоска по родине" директор открывает бал. Распорядители танцев - фельдфебель, вице-унтер-офицеры (малиновая розетка с корпусным знаком и лентами у левого погона) предлагают приглашать дам. Им предстоит поочередно распоряжаться в сербском и черногорском "Коло", в котильонах, в мазурке, вальсах, гранрон. Под шумок кое-кто из кадет со своими дамами станцуют и модные танцы. А в последнем вальсе распорядители танцев снимут с себя распорядительские розетки, чтобы приподнести их дамам, оказавшим им честь танцевать с ними последний танец.

В половине двенадцатого вкрадчиво и осторожно, печально и нежно раздаются звуки последнего "Русского" вальса. Потом под музыку прощального марша "Старые друзья" кадеты роты Его Высочества выбегают на декабрьский холод провожать гостей до калитки корпусного парка. На ночной поезд гостей проводят наряды из многострадальных кадет шестого класса.

В полночь на - со второго на третий этаж, - площадке парадной лестницы огромного корпусного здания, щемяще грустно звучит фанфарный отбой. Так в предвоенные часы в Белой Церкви, в Югославии, праздновался корпусной праздник.

О русском православии

Почти на всех русских культурных достижениях лежит печать русской национальности, русского таланта, русского мирозерцания, русского быта, русских достоинств и слабостей, русской души. Сколько самобытного в этих достижениях! Какое яркое представление дают они о русских как народности. Как верно и убедительно определяют они русское духовное лицо - лицо большого народа с богатым, неистощимым запасом действенных, неусталых и неисчерпанных сил!.. И как, именно в силу того, что достижения эти чисто русские, глубоко национальные, они приобретают мировую ценность, дороги одинаково и русским, и всему человечеству!.. Остановимся же на самой главной русской святыне, на сокровище Русского Православия, на богатстве русской религиозной мысли.

Русский народ принял христианство по православному обряду и постепенно воспринял Православие как специально свою, русскую веру. Правильно ли это или ошибочно - вопрос в данном случае посторонний. Дело в факте: в том, что Православие, воспринятое в таком духе, удесятерило силы русского народа, явилось для него огромной моральной опорой: вековая борьба с кочевой Азией, языческой и мусульманской; отпор, данный католичеству, отстаивание своих национальных основ перед напором вторгавшихся чужеземных идей и порядков - все это прошло под знаменем Православия и наложило свой отпечаток на духовную физиономию русского человека. И - кто еще может взвесить! - в какой степени такой взгляд определял и еще определит равнодействующую тех сил, которые, в свою очередь, определили и определяют русло и течение русской жизни?!..

А русское старчество с его исканием правды Божьей, с его Оптиной пустыней, видевшей в стенах своих Гоголя, Достоевского, Конст.Леонтьева, Влад.Соловьева, Великого Писателя Земли Русской - Л.Толстого, не захотевшего объехать ее на пути своего последнего земного странствования в последние и трагические дни своей земной жизни!.. А русское мессианство, начиная от идеи "Москва - Третий Рим" до богоискателей нашего столетия!.. А взгляд на преступление, как на несчастье; на наказание, как на искупление; на суд, как на исправление... - сколько во всем этом чисто русского, национального, православного, подчас и совсем непонятного уму иноземца.

А русская музыка, всеми своими корнями уходящая к святыням Русского Православия. Неоспорим же тот факт, что русских великих композиторов, как и русских писателей и поэтов, неодолимо влекла к себе религиозная сторона русской жизни и ее православное воплощение в искусстве. Вспомним хотя бы "Бориса Годунова" и "Хованщину" Мусоргского, "Царя Иудейского" Глазунова, "Из Апокалипсиса" А.Лядова, "По прочтении псалма" - кантату С.И.Танеева. Сам Глинка в последние годы жизни усердно изучал православные церковные лады, Балакирев и Чайковский уделяли большое внимание православной церковной музыке. А "Сказание о невидимом граде Китеже и мудрой деве Февронье" Римского-Корсакова представляет, ведь, одно из самых поразительных достижений в области православного русского искусства. Это апофеоз деятельной самоотверженности, непоколебимой веры в окончательное торжество добра; это - пленительное по своей наивности представление потустороннего мира, не в том виде, как о нем гадают богословы и философы, а в детски-простодушном, по-своему мудром прозрении русской девушки - вот в чем захватывающий пафос этой бесподобной православной мистерии, этого характерного слова одного из сынов Русского Православия.

Здесь намеренно выделим одно лишь имя, имя преподобного Андрея Рублева, имя которого яркой звездой горит на фоне русского далекого прошлого. Да только ли прошлого?

Время преподобного Андрея, конец XIV-начало XV века, было едва ли не самой глухой и тяжелой порой в русской жизни. Бесперывные кровавые усобицы князй и татарское иго, даже не только само иго, сколько злая татарщина, те злые, некультурные, принесенные игом начала, всасывавшиеся в плоть и кровь тогдашнего уклада русской жизни, - вот что делало эту жизнь такой глухой и тяжелой. Насилие, грубый произвол, распри и кровь, злорадная месть, рабское искательство некоторых перед сильным и их готовность униженно лобызать ту самую руку, что наносила удар русским святыням; вечная тревога за сегодняшний день и полная неуверенность в завтрашнем - вот в какой атмосфере приходилось жить тогда русскому человеку.

По несчастным городам и весям Русской Земли разносилась лишь одна унылая русская песня, везде оставляя за собой душевный надрыв и страдание. И - что может быть еще ужаснее - эта скорбная песня раздавалась изо дня в день, из года в год, из поколения в поколение, казалось, без перерыва, без изменений, без просвета, без какой бы то надежды на лучшее. Люди рождались, начинали под звуки этой горестной песни жизнь и заканчивали ее все под тем же неизменно сумрачным небом, все с той же неисходной тоской в обездоленном русском сердце.

Казалось, что русские люди сжились с таким положением, почти покорно примирились с ним. Но среди них были те, кого отметил Перст Божий, - те, что примириться не могли. Протест, обычный и естественный для нас, живущих в Австралии XX века, им был неизвестен да в тогдашних условиях прямо бессмыслен. Выход оставался один: уход в Православие, дабы свеча Святой Руси не угасла.

И русские люди действительно уходили в Православие. Одни, как святые и преподобные Сергей и Герман Валаамские, Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, уносили с собою Святую Русь на дальние острова, в непроходимые дебри лесов и болот; другие, как святой и преподобный мученик Стефан Пермский, направляли свой путь к далеким и чужим племенам и народам, не ведающим о Святой Руси, проповедовать им о Ней. Наконец, третьи, наделенные особым даром Божиим, своим талантом прославляли Святую Русь по-своему: они непреходящей радостью одаривали несчастные поколения русских людей той радостью блаженства, какую и преподобный Андрей Рублев так удивительно прекрасно, с такой редкой чистотой сердца передал нам в наследство на своих русских православных иконах и фресках.

Ведь чем большим диссонансом звучало для него все вокруг, чем меньше могли "скучные песни земли" заменить ему "звуки небес", тем выпуклее выступал перед ним мир Православия, мир Святой Руси, тем большую силу вдохновения обретал он в этом контрасте, тем выше и дальше уносился он ввысь чистым огнем своей пламенной православной веры.

В своей "Троице" преподобный Андрей дал высший синтез направления, характеризующего самый дух Русского Православия. Какая таинственная одухотворенность почил на этой русской иконе! Какая безупречная простота; гармоническая композиция; ритм движения, фигуры ангелов идеальной, неземной красоты, пейзаж легкий и светлый! Какая русская ласковость, душевность, русская певучесть, молитвенность в этой иконе.

Выбор между землей и Небом решен здесь русским православным художником бесповоротно. От земли он ушел раз и навсегда. Его дух витает в царстве неземной Гармонии, певучей Красоты и лирического созвучия линий, музыкального, строго размеренного Ритма, чарующей простоты композиции, торжественной симметрии и жизнерадостных красок. В этом царстве неземной грации чувствуется близость Бога; она наполняет душу тихой радостью, она источник одинаково и невыразимой прелести линий - сочности и богатства красок, и возвышенных переживаний человеческой души в наиболее чистые, трогательные и благородные моменты ее жизни.

Вглядитесь же внимательнее в лики Рублевских ангелов: к суете земной и повседневной они безучастны; что им ее мышьяная возня, беготня, толкотня. Счастливые избранники, они смотрят в Вечность; преодолев и победив саму смерть, они пребывают в Мире, где вечная Гармония и нескончаемая слава.

Не всякому, однако, это может быть ясно и понятно. Чтобы испытать на себе чистый огонь Православия Рублевских икон, необходимо отрешиться от многих присущих, нашему техническому и меркантильному веку понятий и привычек. Обратимся к сравнению

Задержимся на минуту перед Мадоннами Филиппино Липпи, Боттичелли или Рафаэля, Леонардо да Винчи - при всем их разнообразии, сколько в каждой из них подвижности, телесной свежести! Какими реальными, земными, настоящими выглядят они и окружающие их лица! Как близок к природе, натурален пейзаж! Сколько истинной детскости, ребячливости в Младенце, когда Он улыбается, заигрывая с другим младенцем, Иоанном Крестителем, когда тот старается достать Его ручкой (Андреа дель Сарто)! Что за пухленькие ангелочки! Как изящны и миловидны сами Мадонны! Сколько женского благородства, например, в рафаэловской Мадонне де ла Седиа! Красивый пейзаж временами дополняется белым барашком или щегленком в руке, и вся такая картина иногда овеяна нежной паутиной солнечных лучей... Как хочется любоваться такими Мадоннами!.. Да, любоваться, но не молиться! Молитвенного настроения итальянская Мадонна, за редким исключением, не вызовет.

Иконе же Владимирской Богоматери или Русской иконе Божьей Матери Умиления, наоборот, молишься! Ей несешь все свои скорби, на Нее возлагаешь свои надежды, Ее благодаришь за дарованные милости...

Может быть, именно на этом различии впечатлений и легче постигнуть разницу в понимании красоты итальянцем-католиком и русским православным художником. Там - желание изобразить красоту земную: реальную, пластическую, доступную глазу, внешнему описанию; у русских же красота понимается в православном, религиозном смысле, в духовном, внутреннем. Поэтому элемент русской православной иконы, то есть видимый глазу материал, из которого она строится: формы, линии, вообще скромная внешняя оболочка русской иконы, берется русским православным художником не из видимого мира - он ищет и вызывает его со дна своей

православной души, сам создает его из тех православных символов, в какие облакает свою творческую православную мысль.

Ну, как здесь не привести вещице слова мудрого православного владыки из рассказа Н.С.Лескова "На краю света", сказавшего: "Почтите же вы, господа, хоть святую скромность Православия и поймите, что верно оно Дух Христов содержит, если терпит *все*, что Богу терпеть угодно. Право, одно его смирение похвалы стоит; а живучести его надо подивиться и за нее Бога прославлять".

Как всем сердцем и устами на эти слова не ответить радостным:

- Во веки веков. Аминь.

Д Р У З Ь Я *(Статья, написанная для газеты "Единение".)*

Что для русских Пушкин? Что Гоголь? Толстой? Достоевский?

У французского писателя Антуана де Сент-Экзюпери в "Маленьком принце" есть место: принц рассказывает об одном дне, когда ему было очень, очень грустно, и он сорок три раза смотрел на восход солнца, чтобы утешиться.

Может быть, Пушкин, Толстой и другие для русских - как восход солнца для принца? А, может, здесь иное: "Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил",- говорит маленькому принцу Лис. Может, они, писатели, приручили русских к себе и потому отвечают за них? А это так важно: не только самому отвечать за людей, но и знать, что за тебя тоже кто-то в ответе...

Ведь бывают у человека приятели, с которыми весело переброситься шуткой, но и только. Есть у него и верные, подлинные друзья: они осудят, они поддержат, они не наскучат, всё поймут, и с каждой встречей находишь в них что-то новое, и они в тебе тоже находят...

Среди друзей русского человека - вот они: Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Блок, Пастернак, Солженицын и ещё целый пантеон их...

Их каждый раз перечитываешь по-новому. По-новому с их страниц предстаёт Россия, человеческие души, с добротой и радушием, со светлыми и тёмными чертами, в естественных и неестественных отношениях. Вот я откладываю в сторону какую-нибудь их книгу и начинаю: "Нет, подумайте, откуда он всё это знает? Просто..." "Обыкновенный гений",- всегда доскажет за меня кто-то. Эти "обыкновенные гении" открывают нам глаза на то, что, может, много раз замечали другие, но мы-то до поры не видели. В их книгах есть всё. Как бы это получше объяснить? Нет, это не возможно. Это чересчур сложно. Ведь это очень сложно - жизнь. И прекрасно, что сложно, что ничего нельзя до конца объяснить, сформировать, сформулировать.

"У меня переходный возраст",- сказал русский мальчик своей бабушке, оправдываясь в каком-то прегрешении. "У меня тоже",- ответила бабушка вполне серьёзно, оторвавшись от книги Солженицына. Сколько переходных возрастов - с мученьями, с ломкой каких-то очень важных взглядов - суждено ещё пережить каждому? Сколько раз можно считать, что жизнь сформулирована, сформирована "навсегда, до самой смерти", а она, как мы знаем, скажем, из "Войны и мира". из "Ракового корпуса", оказывается, может начаться снова - и совсем по-другому... И только одно, главное, надо не растерять, сохранить в ней: остаться самим собой во всех своих изменениях, остаться человеком. Это ещё Пушкин, это ещё он сказал: "...будь прежде человек".

О Пушкине всегда хочется сказать слишком много, всегда наговоришь много лишнего и никогда не скажешь всего, что следует. Но тем не менее, пожалуйста, откройте хотя бы "Евгения Онегина" - только не по школьной программе, а так, для себя. Есть в "Евгении Онегине" бьющие по сердцу строчки: "И наши внуки в добрый час из мира вытеснят и нас..." (гл.2, строфа 38).

А вот что Пушкин писал Плетневу: "Хандра хуже холеры - одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер..., погоди - умрёт и Жуковский, умрём и мы. Но жизнь всё ещё богата. Мы встретим ещё новых знакомых, новые созреют нам друзья. Дочь у тебя будет расти, вырастет невестой. Мы будем старые хрычи, жёны наши - старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, весёлые ребята... Не хандри - холера на днях пройдёт. Были бы мы живы, будем когда-нибудь и веселы..." Это только Пушкин может, умеет радоваться, что "мы будем старые хрычи, а жёны наши - старые хрычовки"... А почему бы нет?

Люди бывают счастливые и несчастные не потому, что судьба или обстоятельства, или другие люди делают их такими. При вполне одинаковых обстоятельствах один человек может быть счастливым, а другой - несчастным. Один говорит: "Повсюду только неприятности, денег нет, достать их нигде, и вообще скучно..." Другой в такой же ситуации скажет: "Солнце сегодня какое? И люди вокруг, и книги, и вообще завтра двину на пляж - как хорошо!" Поэтому второму интереснее жить, да и нам с ним интереснее.

Такой и Пушкин. Мы его видим в конце русской осени, когда "уж роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей", когда промозгло и темно в михайловских рощах, когда и старому одиноко, а Пушкин ещё молод, и пятый год тянется ссылка, и конца ей не видно. Вот и он загрустил: "Печален я: со мною друга нет, с кем долгую запил бы я разлуку..."

Но это же Пушкин! Он умеет преодолевать свою печаль, он умеет бывать счастливым и тогда, когда это очень трудно: "Я пью один, и на берегах Невы меня друзья сегодня именуют..."

А как же не счастливый человек? Ни тени сомнения в друзьях, которых не видел пять лет, - разве это уже не счастье?!

Во всём, что Пушкин написал, видно его трудное умение быть счастливым наперекор всему. Даже если "на свете счастья нет", то дальше - "но есть покой и воля". Даже если "мне время тлеть", то "пусть у гробового входа младая будет жизнь играть!" И "в добрый час!" ещё говорит он.

Уже в посвящении "Евгения Онегина" Плетнёву - весь Пушкин. "Хотел бы я тебе представить залог достойнее тебя..." Есть ли на свете лучший подарок, более достойный "залог" дружбы, чем "Евгений Онегин"? Для Пушкина так высока его дружба, что и этого подарка мало! А "Онегин" - вся его жизнь. Всё вложено им в эту книгу: "наблюдения ума", "заметы сердца", молодость, мудрая зрелость, минуты веселья и горькие часы без сна... Вот почему, даже зная эту книгу наизусть, всякий раз открываешь её с трепетом.

Каждый находит в "Онегине" своё. И в каждом возрасте - разное. Нет такого возраста и такого человека, которому уже не найти ничего нового для себя в этой книге.

Большинство не умеет по-пушкински воспринимать весну: "скучна мне оттепель: вонь, грязь, весной я болен..." Для большинства весна - радостное время года. Но вот читаем в "Онегине": "Как грустно мне твоё явленье, весна, весна. Пора любви!" (гл.7, строфа 2). Мудрый, весёлый и грустный взрослый человек делится с нами своим отношением к весне. Мы понимаем его, хотя и не можем разделять его с поэтом, но оно всё равно обогащает нас, заставляет понимать: другие люди могут воспринимать мир иначе, чем мы, и это их восприятие несколько не хуже нашего, а, может, и лучше...

Пушкин очень требователен. Он учит настойчиво, но не назойливо:

"Но грустно думать, что напрасно

Что изменяли ей всечасно,

Была нам молодость дана.

Что обманула нас она..." (гл.8, строфа 11).

Горько это написано. Только, думаете, это он про себя? Ничего подобного! У Пушкина всё не так уж просто, над ним надо очень и очень думать. Вот ведь что написано до этого (в предыдущей строфе): "О ком твердили целый век: Н.Н. прекрасный человек." Это же Молчалин - "в двадцать лет был франт или хват, а в тридцать выгодно женат"! Это же Скалозуб - "славы, денег и чинов спокойно в очередь добился"! Конечно, каждый из них "жизни холод с летами вытерпеть сумел". Конечно, ни один из них "странным сном не предавался". А вот Пушкин предавался! А Пушкин не хотел терпеть холод жизни и делал её тёплой! Пушкин умел строить своё счастье, так не похожее на блаженство пошлого благополучия, - он был счастлив, и так странно, и страшно, и радостно думать об этом!

Да ведь он и нас учит быть счастливыми. Один русский человек, весёлый и не очень молодой, на вопрос, чему его научил Пушкин, ответил примерно так: понимать, что за самыми простыми, даже будничными словами и поступками живут высокие чувства и мысли. Ещё... Научил не произносить громких слов. А самое главное - не принимать слишком всерьёз собственную персону..

У каждого - разный Пушкин. И это прекрасно: ведь все люди тоже разные. А если наш Толстой вовсе не похож на нашего Пушкина, то и это тоже прекрасно: разве могут быть интересны одинаковые друзья?

Но вот в чём дело: они учат не как наставники, а как друзья. Они отвечают за нас, открывают нам жизнь... Жалко тех, у кого их нет...

ПОЭТ НИКОЛАЙ ЗАБОЛОЦКИЙ (Статья для русской радиопередачи.)

Писать и говорить о подлинном поэте очень и очень нелегко. Прежде всего хотя бы потому, что любая попытка изложить в ряде отвлечённых мыслей поэтическое мирозерцание поэта, выразить прозаически его поэтическую сущность наталкивается на трудность, лежащую в существе поэзии, как таковой, а именно на то, что в поэзии не существует содержания, отделимого от формы. Ведь всякое поэтическое произведение выражает собою некоторое целостное сознание или чувство, которое изливается из души поэта. Оно воспринимается нами как органическое целое, как неразделимый комплекс образов, мыслей, слов, душевных движений, ритма и созвучий. "Что"

и "как" поэтического творчества, темы поэта и стиль лишь в этой неразделимости образуют его "сущность", лишь в своём единстве утверждают его "миросозерцание".

Отсюда следует, что изложить это миросозерцание иначе, чем это сделал поэт, значит не уловить самого существенного в нём или дать обрывки и клочки, которые так же мало похожи на слагающееся из них целое, как мало сумма цветных пятен похожа на картину или механически, без выражения подбираемый ряд звуков - музыкальную мелодию. Поэтому, говоря о творчестве русского поэта Николая Алексеевича Заболоцкого, трудно удержаться от цитирования его стихотворений. Но ещё труднее их обрывать, потому что так полномерно в них слово! Так ёмка строка! Так чеканна строфа! Так волнующа ритмика!

Жизнь подлинного поэта со всеми её тревогами в конечном счёте направлена к тому, чтобы помочь ему стать самим собой, выразить себя с наибольшей полнотой. Н.А.Заболоцкому удалось это более, чем кому бы то ни было из современных русских поэтов. Самые горькие из его жизненных несчастий превращались в поэзию силою его таланта, и счастьем его оставалась поэзия, как бы ни складывалась его жизнь:

О, с каким я трудом
Наблюдаю земные предметы.
Весь в тумане привычек,
Невнимательный, суетный, злой!
Эти песни мои -
Сколько раз они в мире пропеты!
Где найти мне слова
Для возвышенной песни живой?

И куда ты влечёшь меня,
Тёмная, грозная муза,
По великим дорогам
Необъятной отчизны моей?
Никогда, никогда
Не искал я с тобою союза,
Никогда не хотел
Подчиниться я власти твоей...

Но "тёмная и грозная муза" сама выбрала поэта, "провзила его душу" и указала ему "на великое чудо земли".

В самом конце своей жизни (умер он в 1958 году) Н.А.Заболоцкий написал цикл стихотворений "Последняя любовь", состоящий из десяти стихотворений, объединённых одной темой - темой любви. Появление этих стихов - неожиданность, потому что прежде он совсем не писал стихов о любви. К его музе размышлений, к его поэзии мысли, казалось бы, никак не шла "обыкновенность" давным-давно в русской лирике исчерпанной любовной темы. Но в этом поэтическом цикле вдруг открылась глубина такой нежности, которую трудно было разглядеть за поэтической неторопливостью Заболоцкого, за торжественностью его стихового строя.

Изящество мысли, которое Заболоцкий проявил в своей философской лирике, точность словесного выражения, которой достиг в своих стихах о природе, жадное, неукротимое стремление к постижению "великого чуда земли", озарявшее весь его поэтический путь, - всё это соединилось, слилось в стихотворениях его цикла "Последняя любовь".

Возьмём для примера третье, пятое и седьмое стихотворения этого цикла.

3. Признание

Зацелована, околдована,
С ветром в поле когда-то обвенчана,
Вся ты словно в оковы закована,
Драгоценная моя женщина!

Не весёлая, не печальная,
Словно с тёмного неба сошедшая,
Ты и песнь моя обручальная,
И звезда моя сумасшедшая.

Я склонюсь над твоими коленями,
Обниму их с неистовой силою,
И слезами, и стихотвореньями
Обожгу тебя, горькую, милую.

Отвори мне лицо полуночное,
Дай войти в эти очи тяжёлые,
В эти чёрные брови восточные,
В эти руки твои полуголые.
Что прибавится - не убавится,
Что не сбудется - позабудется...
Отчего же ты плачешь, красавица?
Или это мне только чудится?

5. Голос в телефоне

Раньше был он звонкий, точно птица,
Как родник, струился и звенел,
Точно весь в сиянии излиться
По стальному проводу хотел.

А потом, как дальнее рыданье,
Как прощанье с радостью души,
Стал звучать он, полный покаянья,
И пропал в неведомой глуши.

Сгинул он в каком-то диком поле,
Беспощадной вьюгой занесён...
И кричит душа моя от боли,
И молчит мой чёрный телефон.

7. Посредине панели

Я заметил у ног
В лепестках акварели
Полумёртвый цветок.
Он лежал без движенья
В белом сумраке дня.
Как твоё отраженье
На душе у меня.

Почти каждое стихотворение в цикле "Последняя любовь" - открытие в поэзии Заболоцкого. Эти стихотворения несомненно являются жемчужинами в сокровищнице русской лирики 20-го века, во всей русской поэзии.

Богатство поэзии Заболоцкого, поэзии высокой пробы, не сразу даётся в руки читателя. Нужно известное усилие, необходима известная настроенность души, чтобы, как кристалл в насыщенном растворе, выростала на глазах ценность каждой его строфы, строки, слова. Он ведь сам писал, обращаясь к своему читателю:

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Печатается с сокращениями)

Для тех, кто не знает или не чувствует различия между бытом и духом, кто исчерпывает свою жизнь бытовым содержанием, не существуют ни того задания, которое движет литературу, ни того измерения, в котором она живёт, движется и раскрывается.

Литература народа рождается отнюдь не от быта и не от богатого существования, но от жизни духа, от его страдания, жажды созерцания и подвига. Рождённая духом, ищущим себя, она и восходит к его самой зрелой и совершенной форме - к сознательному преобразению мысли с её ясностью, систематичностью и доказуемостью...

Итак, в основе литературы лежит систематическая практика духовного опыта. Однако этот опыт, питающий литературу, совсем не является достоянием замкнутой национальной группы, одного народа. Напротив, литература, посвящая себя специально этому опыту, может явиться только там, где народ вынашивает или уже познал зрелый сверхнациональный опыт.

Чаадаев писал: "Любовь к родине - вещь прекрасная, но есть кое-что повыше: любовь к истине. Любовь к родине делает нас героями; любовь к истине - мучениками-мудрецами, благодетелями человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную вражду, иной раз одевает землю трауром; любовь к истине распространяет свет, создаёт умственное наслаждение, приближает людей к Богу."

Таким образом, литература не есть личное или групповое, или классовое достояние; в своих истинных достижениях она - сверхнациональна. В этом смысле национализм в литературе невозможен так же, как и в науке. В этом смысле нет и не существует никакой специально русской, французской или американской литературы. В этом же смысле существуют и русский Гомер, и русский Овидий, и русский Данте, и русский Петрарки, и, конечно, русский Шекспир.

История литературы только потому и только тогда имеет смысл, если люди, разобщённые эпохой, культурой и языком, пространством и границами, имеют дело с единым духовным опытом и могут одинаково переживать его, понимать видение своих предшественников, усваивать его особенности и благодаря этому видеть и понимать больше, чем виделось и понималось ранее.

Однако каждый писатель имеет родину, т.е. национальную духовную культуру, в которой сложился его индивидуальный дух с его любимыми и ведущими темами, с его творческим актом, с его жизненными убеждениями. От этой-то духовной культуры питаются - положительно и отрицательно - его личный опыт и его личное познавательное творчество. И если национализм в подлинной литературе невозможен, то более чем возможен преимущественный интерес к различным проблемам и различным литературным традициям их обсуждения и выражения в различных национальных литературах.

Только в этом смысле и можно говорить об особенностях русской литературы, о русском подходе к вечным литературным темам ЛЮБВИ, ЖИЗНИ, СМЕРТИ и о русском способе или стиле их переживания и выражения.

Поэт, художник, писатель, сознательно или бессознательно, питаются духовным опытом своего народа. Страдания народа питают мудрость литературы; подвиги литературы просветляют и очищают духовный опыт народа. И разговор об особенностях русской литературы в этом аспекте надо начинать с высказывания Герцена: "...у народа, лишённого общественной свободы, литература - единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести. Влияние литературы в подобном государстве приобретает размеры,

давно утраченные другими странами..." Это написано в 1851 году, а вот стихи русского поэта, написанные в 1962 году:

Да, честь хранить и совесть - нелегко,
Рискованно в стране, где Слово в гетто.
Но к свету, к свету столько раз вело
Россию откровение поэта!

В истории общественной жизни России литература всегда играла исключительную, если не главенствующую роль. В 19-ом веке на её территории сталкивались и так или иначе разрешались социальные, политические и религиозные проблемы. Русская литература была одновременно и парламентом и как бы церковью ордена русской интеллигенции.

Не в пример западной, русская литература, в частности русская поэзия, никогда не была чистым искусством для искусства. Ни учение Шиллера о том, что будто бы искусство родилось из игры, ни формула Канта, утверждавшего, что сущность искусства и поэзии "в бесцельной целесообразности", к русской литературе не могут быть применимы. Русская литература никогда бесцельно не развивалась. Всю свою историю она трудилась, часто "наступая на горло собственной песне", боролась за социальное улучшение жизни народа, пеклась о преображении народной души и государственной власти. Делом русского поэта всегда было не обвинять, не преследовать, а смело вступаться даже за виноватых, раз они уже осуждены и несут наказание...

Недаром история русской литературы это или мартиролог, или реестр каторги. "Слышно страшное в судьбе русских поэтов",- говорил Гоголь, а итальянский поэт сказал: "Там, под облачным небом, где краток день, рождается племя, которому умирать не жалко." О "страшном жребии русского поэта" писал и Максимилиан Волошин во время революции.

В Писании сказано: "Горе народам, которые побивают камнями своих пророков!" И вот об этом горе, о Дантесах и Мартыновых 20-го века пишут современные поэты:

Берегите нас, поэтов, берегите нас. Три минуты, две минуты, вовсе ничего...
Остаётся век, полвека, год, неделя, час, Берегите нас, но только - все за одного!

Следующей особенностью русской литературы является то, что постоянные цензурные стеснения чрезвычайно способствовали развитию в ней аллегорического, "эзоповского" слога и искусства сдерживать свою речь. Сжатая речь богаче смыслом, она острее... Читатель, знающий насколько писатель должен быть осторожен, читает его очень внимательно; между ним и автором устанавливается тайная связь: один скрывает то, что он пишет, а другой - то, что он понимает...

Примером может послужить стихотворение Анны Ахматовой "Данте", написанное в 1936 году... Что будет, если в этом стихотворении вместо Флоренции поставить Россию, а вместо Данте, ну, скажем, Бунина?

Ещё одной характерной чертой русской литературы является её интерес к проблеме АБСОЛЮТНОГО. В этом можно усмотреть глубокую связь русской культуры с эллинизмом, с методом Сократа, с античной диалектикой платонизма. Эту традицию русская культура получила вместе с византийским христианством; эта же традиция роднит русскую культуру с европейской, восходящей к культуре древней Эллады, к Сократу, к диалогам Платона и трактатам Аристотеля.

Изречение Гегеля "объект гносеологии тот же, что и объект религиозного сознания" воспринято русской литературой не только в смысле восхождения к "абсолютному", но и как углубление в самого себя: "познай себя". Каждый мыслящий человек неизбежно сознаёт себя в раздвоении: как несовершенство, как то, что он есть, и как совершенство, как то, чем он должен стать...

Тут-то мы и подходим к центральной теме в русской литературе: что такое я сам?, что такое человек? Вся русская литература есть, в сущности, развитие основной и вечной темы, поднятой Паскалем: "величие и ничтожество человека"; темы, выраженной с такой страшной силой в державинском стихе: "я - царь, я - раб, я - червь, я - Бог!" В этих словах - вся русская литература от Пушкина через Достоевского до Булгакова, вся сущность трагического противоречия, свойственного человеку: "Здесь диавол с Богом борется, а поле битвы - сердца людей".

Вся русская литература философски настроена, в ней поставлены все основные и вечные проблемы русской души, а выражены они литературными персонажами - представителями русского народа, интеллигенции, русских женщин 19-го и 20-го веков.

Вы хотите знать, что такое русский интеллигент? Вот он: Пьер Безухов, Чацкий, Евгений Онегин, Печорин, Рудин, Лаврецкий, Обломов, Базаров, Левин, князь Мышкин, дядя Ваня, Телегин, доктор Живаго, Раскольников, Костоглотов... - где же перечислить их всех?

Хотите составить представление о русском простом человеке, о его жизни и мирозерцании - готовый материал вам дан "Записками охотника", Лермонтовым, Толстым, Некрасовым, Чеховым, Шолоховым, Солженицыным.

Что такое достойная преклонения и самой возвышенной любви русская женщина? Вот она: "капитанская дочка", Наташа Ростова, пушкинская Татьяна, тургеневская Лиза, Катерина из "Грозы", Сонечка Мармеладова, Лукерья в "Живых мощах", чеховские "сёстры", булгаковская Маргарита... и тут нам никогда не кончить, если бы мы даже задались целью перечислить все трогательные образы людей, созданные русскими писателями двух последних столетий.

Идеи и проблемы, выраженные этими образами, - общечеловечны, но переданы они с такой необычной искренностью и силой, что с каждым десятилетием растёт понимание и увеличивается всемирный интерес к русским писателям, ни в чём не похожим на писателей Европы и Америки.

Нужно также отметить, что античная идея "катарсиса" и глубоко христианская идея искупления всегда приковывали внимание русских писателей. В этом проявляется глубокий интерес русской литературы к проблемам страдания, жертвы и подвига. В стихах "Душа" Пастернак говорит:

Душа моя, печальница

Ты стала усыпальницей

О всех в кругу моём,

Замученных живём...

Эти же темы у Анны Ахматовой в "Реквиеме" - в произведении, которое потрясло весь мир.

Следует назвать ещё одну черту русской литературы - это её изумительный пророческий характер. В течение всего 19-го века и в начале 20-го она полна предчувствий грядущей революции, необычайно чутка к подземным гулам. Пушкина волновала возможность революции в России, и он предвидел её характер. Лермонтов написал поразительное стихотворение:

Настанет год, России чёрный год,

Когда царей корона упадёт...

Тютчев всё время был обеспокоен проблемой мировой революции. К. Леонтьев в 1880-е годы, в эпоху кажущегося благообаяния и незыблемости русской монархии, говорит о том, что "Россия заразит коммунизмом Европу и поведёт в Европу заражённый коммунизмом Китай". Достоевский - подлинный пророк революции, до глубины изобличает её духовные первоосновы и даёт её образы. В 20-м веке её предчувствуют Бунин, Горький, Андреев, Блок и Волошин.

Последней, но не менее важной характерной особенностью русской литературы является исключительной остротой поставленная в ней проблема "тайной", как называл её Блок, творческой свободы и независимости русского поэта, писателя, художника... Знаменитые строки Некрасова "поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан" - есть крайнее и наиболее острое утверждение в том споре, который, по сути дела, никогда не прекращался и никогда не был окончательно разрешён ни в русской литературе, ни в истории русской культуры.

Находясь в преддверии смерти, видевший подлинную изнанку революции, поэт Александр Блок продолжал эту вековую полемику о творческой свободе. Произнося свою пушкинскую речь, он сказал, что "дело поэта вовсе не в том, чтобы достучаться неприменно до всех олухов", и что "пускай остерегутся ... те чиновники, которые собираются направлять поэзию по каким-то рулам, препятствуя ей выполнять её святое предназначение. Если у творца искусства отнять "покой и волю", ему "нечем дышать", и без пушкинской "тайной свободы" всякое творчество теряет смысл.

В том же 1921 году Евгений Замятин писал: "Одна из причин молчания подлинной литературы (в России после революции) есть изнасилование человеческих душ суррогатами литературной деятельности... И я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который... опасается всякого еретического слова. А если неизлечима эта болезнь - я боюсь, что у русской литературы есть только одно будущее: это - её прошлое".

Английский журналист, посетивший СССР в 1957 году, нашёл много общего между советской элитой и английской буржуазией 19-го века. То же однообразие мещанских взглядов и вкусов, поучения в литературе, мелодичные, легко запоминающиеся стихи-песни. Разница, по его мнению, заключалась в том, что европейский буржуа 19-го века не мог диктовать и навязывать своих мещанских вкусов творцам искусства, а советский буржуа мог и делал именно это.

И почти то же самое говорил Паустовский: "В нашей стране царит класс мелкой буржуазии, который не имеет ничего общего ни с революцией, ни с социализмом. Они бездуховны и бесчеловечны, и все похожи друг на друга..." Как же поэт или писатель может освободиться от них?

И вот тут вспоминается русская народная сказка о царице и её сыне, которых заперли в бочку и бросили в море. Вырос царевич, стало ему тесно, и спросил он у матушки позволения вытянуться вволюшку, но сказала мать, что бочка тогда лопнет и он утонет в море. Царевич подумал и сказал: "А всё-таки протянусь я, матушка: лучше уж хоть раз протянуться вволюшку, чем болтаться вот так скрюченным в три погибели".

В этой сказке - вся история русской литературы.

Стихотворения, посвященные В.М.Пугачеву

Au, but to die and go we know not where:
To lie in cold obstruction and to rot.

William Shakespeare

Одни мне скажут: там - Ничто. Nirvana.
Другие скажут: там есть Рай и Ад.
Упасть бы вдруг! Бездумно-бездыханно,
Как листья в этот тихий листопад.

Но как избавиться от страха смерти?
Ведь страшен даже сломанный цветок!..
Как знать, что в запечатанном конверте,
Где крепко склеен каждый уголок?

Как - пенью птиц и музыке, и Лету,
Сказав "прости" - готовиться к тому,
Чтоб из родного ласкового света
Перешагнуть... в неведомую Тьму?
Клавдия ПЕСТРОВО

E comincerò a sentire in me stesso
Il peso della definitiva ombra.
Guido da Verona

Пока ты жив - в душе горят надежды,
Как летом светлячки в полночный час.
Пока ты жив - твои мечты, как прежде
Преображают стёклышко в алмаз.

Но как летят!.. Вчера, Сегодня,- смены!
Летят в Ничто, в Безвременья раструб.
Всё больше в косах белоснежной пены...
Всё горше складка у молчащих губ...

И тяжесть, где-то в глубине сознания,
Что близится уже конец - всем снам!..
А дни - летят!.. С полнейшим невниманьем
К твоим надеждам, планам и мечтам.

Клавдия ПЕСТРОВО

ПРОСТИ !

Памяти В.М.Пугачева

Встречаются, чтоб расставаться...
Напрасна, наверно, печаль,
И слёзы, наверно, напрасны:
Там где-то есть общий причал.
Там где-то без тени привязанности,
Без горя, без шумных забот,
Мир, Достоевским предсказанный,
Землян заблудившихся ждёт.

Россию там встретят ли ласково?
Алёша-царевич глядит,
Пленённый, расстреленный наскоро...
- Покрытый болотами стыд!
А Дмитрий-царевич в Угличе
Алёшу в лаптушку зовёт...
За что же так Смутой измученный
Опять был обманут народ?

Прости - это значит "прощанье",
Прости - и "прощенье" твоё...
В прощаньи звучит "до свиданья",
В прощеньи - надежда всего.
А детские муки, слезинки?
Искупит их громкий прогресс?
В России все жизни - росинки,
Смахнул - растоптал - исчез.

Как страшно и горько наказана
Великая бедная Русь:
Ведь "бесы" нам были предсказаны,
Ты ж всё - на авось, ну и пусть...
И Смутой ты вновь озадачена,
Истерзана, переиначена;
За всех - под ударами грудь,
Но вынести всё предназначена,
И к Вечной России - твой путь!

Н.ГРАЧЕВА-МЕЛЬНИКОВА

ИЗ ПИСЬМА литературоведа В.Г.Собович Н.А.Мельниковой:

"...Что касается неизвестного поэта, (от ред. - В.М.Пугачева), то, конечно, в этих стихах совсем нет Елагина, разве только пессимизм. Очень вероятно, что он Елагина любит и поэтому ему кажется, что он несамостоятельный поэт. Прочитала "В бледном трепещущем небе", "Звёзды светят", "Быть хорошим другом обещался", "Всё так: кручина без причины", "Не бывает её несчастной", "К тебе тропа меня вела", "Не кляни ни людей, ни Бога", "Смиримся мы с мыслью о кончине" и другие. Настроения и мысли мне нравятся, но есть шероховатости в стихе.

Я чувствую Блока и Г.Иванова над ним, а не Елагина..."

13.12.1968. Аделаида.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ...

(Ниже помещаем отрывок из письма В.М. Пугачева, посланного им одной из своих учениц.)

"Многоуважаемая ... !

Не могу молчать. Обижен за женщину вообще, за русскую - в особенности. Ссылаюсь при этом на авторитет русской литературы. От Ярославны до Лары ("Живаго"), от Марфы Посадницы до Матрёны (Солженицына) русская женщина всегда умнее русского мужчины. Легче всего это показать на творчестве Пушкина, переросшего юношеское кощунство, не впавшего ни в пресыщенность (Набоков), ни в цинизм (Моравиа), поднявшегося до подлинного почитания женщины (чего при всех потугах не хватает ни Евтушенко, ни Вознесенскому, ни даже Окуджаве). Это Пушкин почувствовал, что рыцарское поклонение женщине, бесплотное, в почтительном отдалении, заслуживает не низвержения её до Дульцинеи-Альдонсы (Сервантес), а возвеличивания её до степени Богоматери ("Бедный рыцарь"). В этом своём преклонении перед *das ewig Weibliche* ("Вечной Женственностью" - термин, подхваченный В.Соловьёвым и русскими символистами) Пушкин более действен, чем сам Гёте: у того дурак Фауст (Рудин, Раскольников, Живаго) задаётся великими и гордыми бредовыми замыслами, без всякого душевного надлома перешагнув через трупы Маргариты и своего ребёнка от неё. Пушкин же (в "Сцене из Фауста") с чутким негодованием клеймит эту слепую точку в душе, увы, не только Фауста и словами Мефистофеля о "безрасчётном дурале", "зарезавшем нищего в лесу", подчеркивает своё отношение, как и бьющим своей неожиданностью и оправданностью концом "Сцены". Главные же героини Пушкина (как и всей русской литературы - Мерчуткина Чехова и та в счёт!) - Татьяна и Марья Ивановна, капитанская дочка, умнее и героичнее Онегина и Петра Гринёва. Пушкин явно сочувствует Черкешенке, Земфире, Марии (в "Полтаве"), Лизе (в "Пиковой даме") и совершенно холоден не только к больному Мазепе (которым любовались Байрон и Лист), не только к неврастенику Герману, но и к жеребцу Алеко и даже к сопливному Кавказскому пленнику. Кстати, Пушкина не без основания потянуло пересказать из всех шекспировских драм именно "Меру за меру" ("Анджело"), где героиня опять и умнее, и выше, значительнее выше героя. И после всего этого, Вы, называющая себя русской женщиной, плачетесь мне, печенегу, что, мол, "жаль только, что женщинам Бог так мало ума дал". Ай-ай-ай!!!!...

Ваш В.Пугачев 2.11.1968."

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	1
Биография, "Тане" (стихотворение)	3
"Быть знаменитым - некрасиво..."	5

СТИХОТВОРЕНИЯ

Без тебя, Россия	7
Моим ровесникам	11
"В бледном тропическом небе..."	14
"Витийствуй, кликушествуй вволю..."	15
"В преображеньи нет уничтоженья..."	16
"Где-то там, где майскими ночами..."	17
Гоголь	18
Поэма о любви. Он.	19
Она.	27
Поэту	30
Благая весть	31

РАССКАЗЫ

Когда надо	32
Рекс	34
Встреча	35

СТАТЬИ

К 6-ому декабря	36
О русском православии	39
Друзья	41
Поэт Николай Заболоцкий	42
О некоторых особенностях русской литературы	44

ПРИЛОЖЕНИЕ

От редакции	13
Стихотворения, посвященные В.М.Пугачеву	47
Из переписки	48

Художественное оформление и обложка П.М.Химина

Издательство АВСТРАЛИАДА, СИДНЕЙ, 1996 год

Книгу можно заказать по телефонам:

(02) 9 746 8293, (02) 812020, (02) 9 746 9954, (043) 415026

THIS BOOK, "WITHOUT YOU, RUSSIA"

BY VSEVOLOD PUGACHEV CONTAINS:

- i) Preface by the editors of "Australiada";
- ii) Biography;
- iii) Introduction by Nataly Melnikoff, the editor of this book "Without You, Russia";
- iv) 25 poems, five of which are shown in both languages due to Morrison's translation from Russian into English;
- v) Composition called "Poem of Love", which consists of 70 separate poems;
- vi) Three short stories;
- vii) Five philosophical and literary articles;
- viii) Two letters by Pugachev;
- ix) Photographs and documents.

**AUSTRALIADA - A Russian Chronicle
P.O. Box 196, WOY WOY, NSW, 2256**